Annotation

В романе «Камень желаний» из «Саги о Конане» читателей ждет повествование об увлекательных похождениях шестнадцатилетнего киммерийца в городе воров Шадизаре.

•

•

0

.

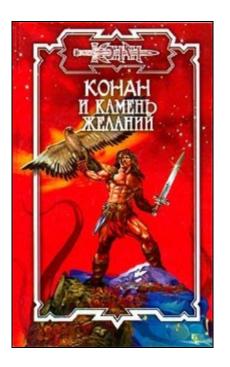
•

•

•

• Глава шестая

Олаф Бьорн Локнит Камень желаний

Глава первая

Магия и жулики

г. Шадизар, Замора. Лето 1264 года по основанию Аквилонии. О юноши, неужели так сложно понять, что играть с подобными вещами совершенно не следует? Если вы не думаете о других людях, то подумайте хотя бы о собственном благополучии! Развлечения развлечениями, но... В один прекрасный день вы попросту сожжете наш прекрасный городок или вызовете из Черной Бездны столь невероятное страшилище, что бороться с ним можно будет только одним способом — немедленным и героическом самоубийством!

- Герат, зачем говорить столько лишних слов, когда можно сказать просто: эта штуковина может быть опасной! Тогда ответь, кому из живущих в Шадизаре магов ее можно выгодно продать? Или проще съездить в Аренджун? Или в Коф? Я слышал, будто в Хоршемише существует целый квартал лавок, где торгуют магическими принадлежностями и каждый желающий может выгодно продать любую волшебную вещь... Конан, что скажешь?
- Откуда я знаю, Ши? Волшебство, конечно, бывает полезно, но только не для нас с тобой. Сплошные неприятности от этого поганого колдовства. Не люблю магию.
 - Со временем полюбишь. Герат?..
 - Что «Герат»?
 - Ты все-таки колдун. Покупай!
- Не колдун, а волшебник, это во-первых. Во-вторых: Белая магия с подозрением относится к нечеловеческому колдовству, а ваш медальон явно создан альбами или, возможно, существами которые именовали себя «Кро мара». Они давным-давно вымерли. Нет, не возьму. Даже если будете предлагать настырно и совершенно бесплатно.
 - А ты, как я погляжу, человек принципов.
 - Как и ты, достойный Ши Шелам, как и ты...

* * *

Сия беседа происходила в одной из комнат богатого и очень вместительного дома, стоявшего на улице Мраморных львов, что рассекает напополам шадизарский квартал Бейдаль.

Надобно непременно сказать, что Бейдаль является одним из самых благопристойных и тихих кварталов города — тут располагаются дорогие таверны и постоялые дворы для обеспеченных путешественников, в Бейдале любой желающий может посетить самые блистательные бордели, ненавязчиво именуемые владельцами «Домами отдохновения» или приятно провести время в салонах, кои содержат выходцы из столь цивилизованных и культурных стран, как Аквилония, Немедия или Зингара.

Здесь вас не ограбят средь бела дня и не ударят ножом просто ради развлечения, а если и случилась такая неприятность, то вы можете запросто пожаловаться либо начальнику стражи квартала, либо его «хозяину» — старшине сообщества «ночных цирюльников», каковой имеет власти даже поболее, чем назначенный наместником Шадизара прецептор квартала Бейдаль. По крайней мере «хозяин» мгновенно найдет вашего обидчика и примерно его накажет безо всяких проволочек и составления необходимых бумаг (обязательное наличие коих во время судебного дознания строжайше предписано господином наместником).

Итак, дом (а, вернее, поместье), находился возле самых городских стен. Эти кварталы

города отличались большими и тщательно оберегаемыми садами, кипарисовой рощей, виллами богатых торговцев и огромным количеством искусственных ручейков — в Шадизаре воды мало, центральная часть города пропылена и выжжена безжалостным полуденным солнцем, а тут выкопаны глубочайшие артезианские колодцы. Грустные ослики под присмотром рабов кругят деревянные вороты, дабы при помощи хитроумных механизмов влага из водоносных пластов поднималась на поверхность и попадала в специальные желобки, по которым она растекается в сады богачей... Певчие птички, павлины, по веткам деревьев прыгают прирученные обезьянки, у ворот усадеб можно заметить вооруженных людей — личная охрана хозяев... Словом, идиллия.

Но в таком случае встает вопрос: почему в доме, принадлежащем известному волшебнику Герату Айбенилю находятся двое подозрительных гостей, каковых по неписаным законам Бейдаля следовало бы выставить с улиц квартала со скандалом и руганью? Выставить туда, где им самое место: в отвратительные трущобы Нарикано, где означенная парочка и проживает!

Впрочем, достопочтенный месьор Герат имеет полное право принимать у себя в поместье кого пожелает. Если волшебнику нравится общаться с отбросами — пожалуйста! Шадизар — свободный город и никакие законы не говорят о том, что волшебник не может переговорить с двумя проходимцами по интересующему его вопросу.

Самому Герату, восседавшему во главе роскошного овального стола эбенового дерева, едва исполнилось тридцать лет. Скажем прямо: для волшебника возраст малопочтенный. Худощавый, очень загорелый, со щеточкой черных усов над верхней губой. Одет в пышную атласную хламиду цвета снега с непременной золотой вышивкой на груди в виде солнечного диска — символ Белого Конклава магии Света.

Перед Гератом на столе громоздятся серебряные кувшины с лучшими винами и блюда с изысканными яствами, на стенах зала для приема гостей красуются пушистые ковры, в свою очередь украшаемые коллекциями редкого оружия и магических артефактов...

А вот по правую руку от молодого волшебника восседают два оборвыша. Первый, невысокий, смуглый и худенький ведет разговор. Второй — парень лет двадцати по виду (на самом деле ему едва исполнилось шестнадцать) — предпочитает помалкивать и слушать. Он вымахал аж до четырех локтей и двух с половиной ладоней от пяток до макушки, носит чуть испачканную сажей сероватую рубаху с обрезанными рукавами (в Шадизаре, если кто не помнит, летом очень жарко) и холщовые штаны, заправленные в мягкие бежевые сапоги; буйные черные волосы схватывает на лбу кожаным ремешком, а широкий пояс украсил скромным кинжалом.

В квартале Нарикано имена этих двух молодых месьоров хорошо известны — Ши Шелам из Шадизара и Конан Канах из Киммерии. Живут они в таверне «Уютная Нора» и подвизаются в шайке некоего Аластора Кайлиени, знаменитого шадизарского ворюги, имя коего прославлено в легендах — никому, кроме Аластора, доселе не удавалось забираться в сокровищницы гномьей общины Шадизара и выйти оттуда живым!

Конан Канах поселился в городе несколько лун тому и успел немного привыкнуть к беспокойному Универсуму Шадизара — согласимся, что сей человеческий улей является эдакой маленькой вселенной, крохотным мирком, маленьким чешущимся прыщиком на седалище Большого Творения. Свои законы, свои традиции, свой говор и собственное наречие, понятное, однако, большинству воров Закатного материка.

Шадизар уникален, точно так же, как уникален Конан — единственный выходец из

далекой и почти сказочной Киммерии, обитающий в недрах столицы Заморийского протектората.

А вот Ши Шелам — коренной замориец, чьи деды и прадеды вкупе с бабушками и прабабушками жили под жгучим шадизарским солнцем — есть плоть от плоти города. Пропечен солнцем и пропитан местными нравами, знает все и про всех, встреть его на улице — Ши покажется такой же обязательной частичкой города, как виселица на главной площади, серовато-желтые камни зданий или откормленные шадизарские крысы, являющиеся главным проклятием городских рынков.

Итак, что же понадобилось двум мелким жуликам из Нарикано в доме почтенного волшебника Белого конклава?

Ши и Конан объявились утром, вскоре после рассвета. Остановились у ворот поместья, через привратника попросили встречи с месьором Гератом и, сопровождаемые донельзя подозрительными взглядами телохранителей волшебника, проследовали в гостиную, более смахивавшую на один из самых роскошных залов дворца туранского императора.

Пока ждали волшебника, совершавшего непременную утреннюю медитацию, за оборванцами в оба глаза приглядывал смотритель-дворецкий — как бы чего не сперли! После каждого визита Ши слуги недосчитывались то золотой статуэтки, то завалявшейся на полках драгоценной безделушки из коллекции господина, однако уличить мальчишку ни разу не удавалось. Куда он прятал схищенные предметы оставалось лишь догадываться.

— А-а, мои драгоценный друзья! — Герат, шелестя полами белоснежного балахона стретелю. Но и Герат, как шадизарец по рождению, был не лыком шит.

Сделка не состоялась по двум причинам. Во-первых, Герат собирал коллекцию магических артефактов относящихся лишь к светлому волшебству и старался выполнять требования конклава — нельзя использовать «чужую» магию, поскольку она порождена нечеловеком, а, следовательно, может нести в себе Тьму. Во-вторых, месьор Айбениль так и не сумел уяснить, каково же истинное предназначение медальона, предъявленного Ши Шеламом и его хмурым приятелем-варваром.

Артефакт являл собой платиновый овал с рунической надписью по кругу, причем руны явно принадлежали древнему алфавиту альбов. В центре вытянутого диска — не слишком дорогой мутный темно-зеленый изумруд скверной огранки. К медальону прикреплена простенькая серебряная цепочка — металл потускнел от времени.

На первый взгляд, ничего необычного. Но если взглянуть на изумруд, станут заметны пробегающие внутри камня зеленые искорки, а если коснуться камня, то человеческий палец окутает малахитовое сияние и проскочат безболезненные тонкие молнии. Именно благодаря данным свойствам медальона Ши Шелам принял решение немедленно продать его одному из знакомых магов — простому человеку с колдовством связываться не следует. Ибо, как было выяснено на собственном горьком опыте последних лет, сие чревато мелкими и крупными неприятностями...

- Не возьму, решительно сказал Герат, отодвигая прочь медальон. Добудете чтонибудь более... гм... понятное милости прошу в гости. Не желаю покупать кота в мешке! С магией древних шутки плохи! Откуда мы знаем, вдруг завтра из этой штуковины вылезет нечто клыкасто-когтистое и выразит желание мной позавтракать? Или превратит Шадизар в огромную кучу навоза?
- Зачем лишний раз трудиться? уныло вопросил Ши. И к чему превращать навоз в навоз? Ты можешь хоть приблизительно определить, какими свойствами обладает медальон?

Чтобы мне было проще говорить с другими покупателями? Например, он может обращать
медь в золото или даровать глубоким старцам великую мужскую силу?
— Ни то, и ни другое, — покачал головой волшебник. — Предполагаю, что этот
артефакт был создан альбами для управления Управления чем-то, о чем мы не знаем.
Видишь, на металле выгравированы руны повеления?
— He разбираюсь, — отрекся Ши.
— Альбы умели приказывать существам сверхъестественным. Демонам, драконам,
духам Это давно позабытое искусство.
— Может, мы тогда пойдем? — густым баском сказал Конан, вставая с кресла. —
Прости, уважаемый, за беспокойство.
Ши с сожалением посмотрел на кувшин «Либнума» опустошенный только наполовину.
Киммериец поднял приятеля за ворот.
— Рекомендую обратиться в лавку Аль-Руди из Турана, на улице Красного Тигра — с
улыбкой посоветовал Герат. — Пятьдесят ауреев он не даст, но на два десятка можете
рассчитывать смело.
— Два десятка? — возмутился Ши. — Камушек вынем, платину переплавим, продадим
ювелирам. Выручим не меньше тридцати пяти золотых Спасибо, Герат!
Конан завернул драгоценность в тряпку и сунул под рубаху.
— Эй! — окликнул волшебник гостей, направившихся к выходу в сад. — А плата за
консультацию?
— Жадина, — буркнул Ши, полез в пояс, извлек монетку и бросил ее на стол. — Этого
хватит?

- Благодарю, друзья! расхохотался Герат, узрев перед собой самую мелкую медяшку с гербом Заморийского протектората. Обязательно приходите еще!
- Куда ж мы денемся... не оборачиваясь бросил Ши и вместе со своим высокорослым дружком исчез за резной дверью.

Волшебник покрутил в пальцах жалкую, тусклую монетку. Жестом подозвал дворецкого.

- Отнеси в сокровищницу, сказал Герат, отдавая монету слуге. Эти полоумные не знают, чем разбрасываются. Чеканка времен короля Аргилло Второго, этому кругляшку целых шестьсот пятьдесят лет! У любого собирателя редкостей за него можно выручить сорок золотых! Эх, молодежь, молодежь...
- Мой господин, а куда пропал золотой амулет Митры, который висел на эфесе аквилонского меча из твоей коллекции?..

Герат поглядел на редкий клинок, на дверь, снова на клинок, что висел на ковре рядом с многочисленными собратьями, и едва не задохнулся от хохота. К невероятному удивлению рассерженного и чересчур наблюдательного дворецкого, Герат только махнул рукой и выдавил, сквозь слезы:

— Куда пропал? Да какая разница? Куплю другой!

Глава вторая

Пришествие обжоры

Атику — нынешнюю великую любовь Ши Шелама — Конан открыто не одобрял.

Атика носила облик тощей взбалмошной девицы в голове которой бушевал не просто ветер, а самый настоящий ураган. О понятии «благочиние» Атика имела самое отдаленное представление и, как следствие, благочиния не придерживалась. Впрочем, в Шадизаре такое отношение к жизни было в порядке вещей и Конан начал к этому привыкать.

Но к Атике молодой киммериец привыкнуть никак не мог — это не женщина (какая, к демонам, женщина?! Девчонка сопливая!), а самое настоящее стихийное бедствие, почище любого смерча! Ши Шеламу, однако, Атика безумно нравилась — он полагал, что это нелепое существо является если уж не олицетворением женщины его мечты, то стоит весьма близко к лучезарному идеалу.

Идеал, в отличие от абсолютного большинства легкомысленных приятельниц Ши, был обременен ремеслом. Как утверждала сама Атика, ремесло это было стократ серьезнее и важнее любых других приличествующих женщинам занятий, начиная от банального рукоделья и заканчивая трудами на ниве ублажения сильной части человечества в многочисленных увеселительных заведениях Шадизара.

Атика несла радость людям. По крайней мере она сама так утверждала. Радость она несла (как выражался Конан — «наносила») через участие в представлениях «Труппы месьора Каланьяса», а если попросту — фиглярского балагана, обосновавшегося неподалеку от Каменного рынка, главнейшего средоточия торговой жизни замечательного заморийского городка...

Владелец балагана, достоуважаемый господин Каланьяс из Зингары, по вполне справедливому мнению Конана, коего Ши по меньшей мере раз в седмицу едва не силком затаскивал на представления, был полоумным злобным монстром. Огромный, толстый, бородатый, пышущий здоровьем телесным и явно обделенный здравием душевным, месьор Каланьяс изумлял своими сценическими паскудствами даже неискушенного в высоких искусствах киммерийца.

Пьесы для балагана Каланьяс измышлял самостоятельно, причем полагал себя выдающимся сочинителем наподобие знаменитого Стефана Короля Историй. Впрочем, сценки частенько получали вполне доходчивые и понятные каждому названия: «Неверная жена», «Король и мельничиха» или «Богиня красоты».

Более серьезные произведения наименовывались куда сложнее. Например всего десять дней тому, Каланьяс явил почтеннейшей публике «Историю о деяниях славного герцога Лорито, утопившейся девице и потерянном царственном младенце». Ши Шелам, в обязательном порядке явившийся на представление, был в восторге — во-первых, «утопившуюся девицу» играла Атика, во-вторых Ши обнаружил в пьеске ведомые лишь ему одному глубины и посчитал, что месьор Каланьяс знаком с трактатами лучших аквилонских и офирских философов, хотя сам не прочел ни единого, поскольку считать Ши Шелам умел гораздо лучше, чем читать, а считал он преимущественно медь, серебро и (гораздо реже) золото.

Конан, покинув сколоченный из грубых досок и задрапированный кричаще-яркими тряпками небольшой амфитеатр, долго плевался, бурчал о вопиющем неблагочинии и сказал, что впредь к этому вертепу он теперь не подойдет и на лучный перестрел. Ши немедленно обиделся, обозвал приятеля дикарем и варваром, не понимающим и не видящим прекрасного. Киммериец, как обычно, не обратил на оскорбленные вопли друга никакого внимания, поскольку Ши разбрасывался глупыми словами ежедневно и по много раз.

...После неудачного визита к Герату Айбенилю неразлучная парочка вернулась домой — в таверну «Уютная Нора», принадлежавшую Лорне Бритунийке, бывшей наемнице и искательнице приключений на больших и малых дорогах, а ныне добропорядочной шадизарской горожанке и гильдейской трактирщице. Злые языки, однако, утверждали, что в действительности «Нора» находится не столько во владении Лорны, сколько Райгарха-асира, здешнего вышибалы, с которым Лорна открыто состояла в игривых отношениях.

— Продали? — осведомился здоровенный, как нордхеймский мамонт, Райгарх, бдевший возле входной двери. — Лорна сказала, что если не продадите — вышвырнет обоих на улицу. Никакой магии в доме, ясно? Надоело!

И хозяйке, и самому Райгарху, по большому счету, на магию было плевать, однако недавние события, связанные с волшебным жезлом превратившим трактирный нужник в странное полуживое существо имеющее неприглядный образ деревянной будки о восьми паучьих ногах, привели Лорну в бешенство. Столь необходимая в хозяйстве пристройка теперь бродила по заднему двору, пугала куриц и посетителей таверны, а ночами вела долгие и занудные философические беседы неизвестно с кем.

Превратить нужник обратно не удалось даже Герату, которого позвали посоветоваться — как теперь быть? Волшебник осмотрел ожившую будку, повздыхал, покачал головой, сказал, что надо подождать — вдруг все само собой образуется? — и с тем в недоумении отбыл. Райгарху же пришлось рыть вторую выгребную яму и сколачивать новое отхожее место взамен сбежавшего.

С тех пор Лорна поставила для своих шебутных постояльцев непременное условие: если по их вине начнутся новые колдовские безобразия, то Ши, Конан, Аластор и вся прочая развеселая компания может смело убираться вон и подыскивать себе другое место для жилья. Избавьте меня от любого колдовства, от которого одни неприятности!

- Так продали или нет? повторил Райгарх, ухватывая Ши за ворот.
- Пусти, медведь! сдавленно пискнул Ши. Задавишь! Ничего не вышло! Герат отказался. И... И медальон вообще никакой не магический!
- Врешь ведь, как и всегда, ответил Райгарх, разжимая могучую длань. Ну гляди, подлец, случится чего отделаю так, что твои внутренности станут наружностями! Кстати, там тебя эта драная кошка Атика дожидается... С самого утра.

Райгарх махнул рукой в сторону прокопченного обеденного зала.

Ши исподлобья посмотрел на вышибалу, прикидывая, как бы впоследствии пострашнее отомстить асиру за возмутительное хамство — это надо же, назвать очаровательную и талантливейшую Атику «драной кошкой»! Пока ничего разумного в голову Ши Шелама не приходило, поскольку связываться с нордхеймским дикарем было весьма чревато.

Конан, наоборот, был целиком и полностью с Райгархом солидарен. Атика и впрямь неуловимо походила на помойную кошку — тощая, как мальчишка, с торчащими ребрами и жиденькой гривкой медно-рыжих волос с желтоватыми подпалинами, одевается в живописные обноски, которые богатые горожане иногда отдают труппе господина Каланьяса — не пропадать же добру? Пускай послужит фиглярам...

— Ты представляещь, Ши, это будет успех достойный Тарантии или Бельверуса, поверь, честное-честное слово! — с ходу завела Атика, едва узрев своего ненаглядного дружка. Голос Атики вызывал у Конана немыслимое раздражение — тонкий, скрипучий, визгливый и вздорный. Запусти Атику на полдня в одну из пирамид стигийского Птейона — всех мумий на ноги поднимет, будь они хоть пятьдесят раз мертвы! — Плотник Сагал уже делает новые

декорации, такие большие штуковины, чтобы было похоже на пыточную, их еще в черный цвет потом покрасят... И цепи, конечно, кандалы, всякие закорюки, чтобы страшно было. Потом графа втащат туда два палача, таких здоровых, их месьор Каланьяс нанял из бывших базарных борцов, очень высокие и толстые, настоящие изверги...

— Постой, постой! — Ши уселся за стол рядом с Атикой, тщетно пытаясь выловить из ее сумбурных речений хотя бы одно рациональное зерно. — Во-первых здравствуй, моя., гм... кошечка (звук поцелуя). Во вторых... Эй, есть там кто? Мне красного вина, Медвежонку — кружку пива! В горле пересохло!

Конан давно понял, что в Шадизаре ни единый человек без клички обойтись не может, а потому когда с легкой руки Ши Шелама большинство друзей и знакомых начали именовать его «Медвежонком» или, того чище, «Мальшюм» (большинство прозвищ, как известно, даются от противоположного), киммериец решил не обижаться. Если здесь так принято — придется смириться. Тем более, что по законам горцев Полуночи открывать всем и каждому имя, данное при рождении, вовсе не следовало — еще порчу наведут! Пусть уж лучше кличут Мальшюм.

Рилна, трактирная служанка, молча притащила вино и пиво для Конана — в соответствии с киммерийскими традициями он отвергал сок виноградной лозы в пользу ячменного напитка и приохотиться к вину доселе не сумел. «Уютная нора» жила своей обычной жизнью — несколько посетителей поглощали заказанные блюда, было слышно, как Лорна шумно помыкала прислугой на кухне, по доскам столов ползали одуревшие от жары мухи.

Атика, разрушая полусонное благолепие, безостановочно тарахтела:

- ...Потом графа выводят на площадь, там у нас обязательно будут трубы, длинные, как у кезанкийских горцев, чтобы ревели и делали все торжественно, волосы у графа в крови, спина иссечена рубцами, палач готовится месьор Каланьяс нарочно попросит у мясника топор побольше! А потом...
- Начнем сначала! взмолился Ши. Ты о чем рассказываешь, солнце мое? Какой еще граф?
- То есть как о чем? Атика остановилась на полуслове, будто о булыжник споткнулась. Я уже целый квадранс талдычу: новое представление в амфитеатре! Месьор Каланьяс сочинил новую пьесу! Только вчера, понимаешь? Называется «Трагическая повесть о мнимом преступлении графа Альдосо, клеветниках, неправедном суде и его ужасной смерти». Я буду играть возлюбленную графа, она потом бросится с утеса и разобьется о скалы! Здорово, правда?

Конан скептически хмыкнул и призадумался. Во-первых, киммерийца смущало название, в котором было упомянуто «...о неправедном суде и его ужасной смерти». Вот интересно, кто умертвил суд? Граф Альдосо, совершивший мнимое преступление, надо полагать? Во-вторых, в абсолютном большинстве представлений труппы Каланьяса Атика изображала девиц, которые в финале топились, травли себя ядом, закалывались кинжалом, вешались, прыгали со скал и крепостных башен, умирали от жажды в пустыне или там же пожирались тиграми, львами и медведями, хотя Конан точно знал, что в пустынях медведи не водятся. Но столь вопиющее однообразие Атике ничуть не приедалось и всякий раз она расписывала свою новую роль с вдохновением, достойным куда лучшего применения.

Атика тем временем продолжала изливать на влюбленно-восхищенного Ши подробности грядущего представления:

- И вот тогда, благородный граф Альдосо взглянул на своих мучителей и гордо скрестил на груди связанные за спиной руки...
- Ч-чего? тут уже и невозмутимого Конана проняло. Как? Связанные за спиной? Ши откровенно фыркнул, но Атика не обратила на это безобразное зубоскальство

— Так написано у месьора Каланьяса! Вы дальше слушайте, не перебивайте!

никакого внимания, воскликнув:

Конану стало скучно. Пока Атика продолжала восторженно верещать, описывая феерические по своей пошлости сцены, киммериец влил в себя содержимое кружки, и потребовал у Рилны еще одну. Стало легче. Окружающие перестали восприниматься как злонамеренные идиоты. Ши Шелам тем временем охал, ахал, воздевал очи горе, хлопал в ладоши — словом, вел себя преувеличенно, как и полагается тонкому ценителю.

От нечего делать киммериец вытащил сверток с изумрудным медальоном, отбросил ткань, положил артефакт на стол и принялся рассматривать.

История появления древней вещицы у Конана и Ши была, в целом, вполне тривиальной. Третьего дня Ши Шелам ненавязчиво стащил медальон в антикварной лавке купца Аль-Муртаба — достойный торговец отвлекся всего на один миг, и этого было достаточно для того, чтобы красивый платиновый овал перекочевал в секретный кармашек на поясе Ши.

Маленький негодяй потом оправдывался перед неодобрительно ворчавшим Конаном (киммериец с детской наивностью доселе полагал, что воровать можно только у бесчестных людей), что он просто не может пройти мимо красивой и никому не нужной вещи — медальон валялся в лавке Аль-Муртаба без всякого толка целую вечность, а теперь с его помощью можно порадовать какую-нибудь очаровательную девушку.

Было ясно, что под таковой очаровашкой подразумевалась Атика.

Подозрительные свойства, присущие артефакту, были замечены тем же вечером. Изумруд светился и сыпал крохотными искорками, притягивал к себе небольшие металлические предметы, а после того, как Ши попытался вынуть камень из оправы, чтобы как следует его рассмотреть, изверг тонкую зеленую молнию, которая подожгла стол. Начинающийся поджар был потушен совместными усилиями обитателей «Норы» — в ход пошло пиво и вино из кружек.

Лорна, в присутствии которой и произошел данный инцидент, потребовала немедленно — слышали, недоумки, немедленно! — удалить опасную вещь из дома. На ночь медальон можно спрятать во дворе, а утром сразу продать! Кому? Это уж пускай Ши придумает самостоятельно, не маленький!

За вчерашний день подходящего покупателя отыскать не удалось, а сегодня отказал даже Герат, давно и прочно знакомый с обустроившейся в «Норе» шайкой. Вообще-то волшебник считался приятелем Аластора, предводителя компании, но старался поддерживать хорошие отношения со всеми — Ши и его дружки исправно пополняли коллекцию белого мага и не просили за редкий товар чересчур много золота.

Конан, как природный варвар, только начавший знакомиться с «цивилизованной жизнью» (так именовал Шадизарское бытие Ши) магии сторонился, почитая оную делом нечистым, но считал, что такая маленькая штучка, как изумрудный медальон, чересчур вредоносной не может быть по определению — это ведь не демон, не чудовище из Черной Бездны и не могучий артефакт наподобие знаменитых Короны Сета или Мечей Скелоса, о мощи которых ходят легенды. Кроме того, медальон пока не сделал ничего плохого кроме приснопамятного поджога стола — окажись заключенное в нем волшебство действительно

опасным, то означенная опасность проявилась бы давным-давно, обрушив на «Уютную Нору» и ее постояльцев неисчислимые бедствия. Следовательно, и страшиться нечего.

Известно, что предания о стародавних временах и сохранившиеся осколки знаний древности лучше всего сохраняются не в библиотеках огромных городов и не в головах убеленных сединами ученых мужей. Загляните в любую захолустную деревню в Бритунии, Немедии или Аквилонии, порасспросите стариков и жрецов, и вы узнаете о Кхарийской империи или Пифоне куда больше, нежели почерпнете из книг. В глухомани люди доверяются не тленным пергаментам, а собственной памяти, которая усердно оберегает прошлое.

Киммерия отнюдь не была исключением из данного правила. Едва ли один из тысячи обычных киммерийцев мог разобрать хотя бы две литеры аквилонского алфавита, зато практически каждый понимал значение рун или мог рассказать вполне достоверную сагу о предках-атлантах или о войне хайборийцев против Ахерона. Конан с детства был обучен руническим символам — отец-кузнец украшал защитными знаками оружие, бабушка гадала на рунических палочках, руны были высечены на священных камнях в святилище Крома... И на изумрудном медальоне Конан различил вполне знакомые символы — прежде руны принадлежали нечеловеческим народам, наподобие альбов или подгорных гномов, но впоследствии древние алфавиты унаследовали люди и помнят их значение доселе...

Вот, пожалуйста. Сверху, сразу над камнем, оправу украшает руна «Терва», сиречь Мировое Древо, ствол жизни, символ пробуждения и расцвета. Дальше, по кругу, «Беркано», «Лауд», «Тарн»... Чего ж тут непонятного? Такой мудрый человек, как волшебник Герат должен был распознать эти символы и смысл, который они скрывают!

Конан дотронулся пальцем до верхней руны и отшатнулся. Изумруд взблеснул яркой зеленой вспышкой.

Ши, целиком погруженный в беседу о несчастной судьбе графа Альдосо и его возлюбленной, ничего не заметил. Атика тем более.

Камень на медальоне снова стал неживым и холодным. Будто ничего и не произошло.

* * *

— Т-там!.. Оно! Райгарх, впусти меня!

Дверь таверны распахнулась и в проем камнем влетел один из постоянных посетителей — месьор Сариф, низкорослый и толстенький владелец шорной мастерской, расположенной в доме напротив. Внимательный Райгарх отметил про себя, что Сариф имеет вид взъерошенный и перепуганный, что никак не вязалось с привычным обликом уважающего себя мастерового.

- Пожар, грабеж средь бела дня? асир слегка встряхнул бледного шорника, наткнувшегося прямиком на вышибалу.
- Оно! Демон! Сариф хватался за сердце, вытирал пот рукавом и вообще очень мельтешил. Обжора!

Райгарх нахмурился. Неужели старый знакомец опять соизволил объявиться? Если так, то новый визит данного «знакомца» может грозить серьезными неприятностями.

Отпустив Сарифа, тотчас убежавшего к стойке — целить душевную рану кислым вином — Райгарх осторожно выглянул наружу.

Ну точно! И как теперь прикажете изгонять нежданного гостюшку?

Гостюшка висел в воздухе перед входом в «Уютную Нору» на высоте четырех локтей и чуть раскачивался на волнах горячего ветерка. Еще он скалил зубы, тихонько поворачивался вправо-влево, издавал звук, похожий на стрекотание кузнечика, но агрессивных намерений пока не являл.

— Что же ты такое? — задумчиво проворчал Райгарх, наблюдая за гостем. — И как бы тебя отправить обратно, во тьму, из которой явился?

...Несколько седмиц назад на тишайший и благополучный городок Шадизар свалилась невиданная прежде напасть. Через посредство волшебного жезла (каковой затем и превратил трактирный нужник в многоногое болтливое страшилище) разудалые постояльцы «Норы» сумели на краткий миг открыть нечто наподобие двери-портала ведущего в... Наверное, в некую пустоту меж мирами. Пустота, как выяснилось, была обитаема. Прежде чем портал захлопнулся, из сияющей холодными звездами бездны в трактир проскользнуло существо имевшее вид большого летающего пузыря неопределенно-коричневого цвета.

Опытным путем сразу же было выяснено, что «пузырь» почтивший своим визитом «Уютную нору» владел широченной пастью, оснащенной великим множеством треугольных зубов, имел дурной характер и был вечно голоден. Немедля после появления в «Норе» тварь сожрала черенок метлы, перекусила веревку, на которой висела здоровенная люстра-колесо и поглотила несколько предметов, коими Лорна, Конан, Ши Шелам и все прочие обитатели «Норы» начали в нее швыряться, пытаясь если не убить, то хотя бы выгнать чуду на улицу.

Положение, как и всегда, спасла решительная и тяжелая на руку хозяйка — Лорна изо всех сил звезданула тварюгу дубинкой, каковая была спрятана под стойкой с напитками.

Пузырь, будто выпущенный из пращи камень, со свистом пересек обеденный зал таверны, выбил слюдяное окно и с тем исчез в ночной тьме.

Впрочем, дальнейшая судьба твари вовсе не осталась покрытой мраком зловещей тайны. Зубастый демон (или что оно такое?) решил поселиться в Шадизаре, поскольку найти в городе пропитание было проще простого.

Дивное создание жрало все подряд. Смысл его бессмысленной жизни состоял в непрерывных и настойчивых поисках еды. Металл, дерево, камень — острейшим зубам летучего чуда был подвластен любой материал, а все съеденное неким волшебным образом навсегда исчезало в не столь уж и огромной по виду угробе. В один прекрасный день тварюга, уподобясь вурдалаку, объела висельников, украшавших собой перекладину на Воловьей площади. Спустя еще несколько дней Пузырь по одному ему ведомым соображениям откусил голову статуе Митры перед храмом Солнечного диска и был таков. Сильно поврежденной челюстями монстра оказалась и черепица на здании городской стражи.

Довольно скоро Пузырь (еще горожане называли его «Обжорой» и «Летуном») превратился в малоприятную и одновременно забавную достопримечательность Шадизара. Любой приезжий и житель города могли увидеть существо то задумчиво обгладывающим гранитную кладку фонтана в квартале Бейдаль, то бездеятельно висящим над рыночной площадью, то пролетающим над крепостными стенами, которым, кстати, тоже досталось от его зубов — барбикен Туранской башни изголодавшееся чудище прогрызло насквозь, образовав в каменной кладке неровную дыру.

К счастью, на людей и животных Пузырь не нападал, и только однажды от его клычиш серьезно пострадали несколько стражников и гвардейцев протектора. Дело в том, что после

наглейшего нападения на дворец наместника (съеденными оказались две мраморные колонны, флагшток со знаменем и фигурное изваяние какого-то из немедийских королей) шадизарский протектор, управлявший Заморой от имени Трона Дракона, решил что бесчинствам Пузыря следует положить конец: это надо же — бесстыдно поглотить символ монархии и скульптуру его величества Хенрика Первого!

Сей очевидно антигосударственный акт попал под закон, красочно повествующий об «оскорблении величества действием» и посему градоправитель приказал устроить на летающее чудище облаву, изловить оное сетью, а по изловлении сжечь на костре.

Облава, разумеется, с треском провалилась. Во-первых, человеческое оружие Обжору не брало — стрелы отскакивали, арбалетные болты он запросто ловил ртом и съедал, а древки копий дробил зубами в мелкую щепу.

Во-вторых, призванные на помощь маги, категорически отказались от участия в охоте, буквально в один голос заявив, что никакая хайборийская магия Пузырю ущерба не нанесет, поскольку названный Пузырь человеческому миру не принадлежит и законы сего мира на него не действуют. Последнее было чистейшей правдой — подчиняться заклинаниям тварь категорически не желала.

В третьих, Пузырь так возмутился наглым покушением на свою драгоценную особу, что разорвал в мелкие клочья приготовленную металлическую сеть, отхватил наиболее ретивому стражнику кисть руки и покусал еще пятерых вооруженных блюстителей, сдуру решивших поучаствовать в завлекательной охоте на демона. Затем мстительное чудовище, проявив несвойственную ему сообразительность и уяснив, откуда ветер дует, едва не превратил резиденцию наместника в руины, менее чем за день объев фасад здания и раскрошив в щебенку колонны, поддерживавшие портик.

Было принято мудрое решение оставить Пузыря в покое — в конце концов, в обычное время ущерб он наносит незначительный, в преднамеренном и не спровоцированном членовредительстве доселе замечен не был, а в будущем, если на то случится воля богов, Шадизар Обжоре надоест и он отправится искать пропитание в другое место.

Пузырь остался в городе, жрал все, что попадалось на пути, от мусорных куч до глиняных кувшинов, оставленных невнимательным торговцем без присмотра, немного подрастал (теперь он достиг уже трех локтей в диаметре, в противоположность изначальным полутора), и постепенно становился привычной частью городского пейзажа. Кроме того, Обжору оказалось довольно легко отпугнуть — рыночные торговцы, коим пузатое чудо досаждало своими набегами, выяснили, что он очень не любит звук, издаваемый тыквенной свистулькой и терпеть не может, когда люди швыряются в него камнями. В этих случаях Пузырь предпочитал с двуногими не связываться и улетал прочь, издавая обиженный стрекот.

Поскольку Райгарх, уверенный, что Пузырь навсегда забыл дорогу к Третьему Обманному переулку и «Уютной норе» свистулькой не запасся, оставалось единственное средство — запустить в чудище булыжником потяжелее. Что и было проделано.

...Обжора не стал уворачиваться. Жуткая зубастая пасть распахнулась, обломок каменной плиты, коими мостили улицы, навеки сгинул в бездонном чреве, а сам Пузырь начал медленно и угрожающе надвигаться на слегка опешившего Райгарха. Тяжелые кожистые складки, заменявшие чудищу губы поднялись, обнажая в недоброй ухмылке солидный арсенал — некоторые зубы были побольше размером, другие поменьше, но все были треугольными и белоснежными.

Райгарх, как бывший наемник и человек много повоевавший, отлично знал некоторые

важнейшие постулаты военной науки. Один из них гласил: вынужденное отступление является не бесчестьем, а тактическим ходом, способным уберечь свои силы от разгрома превосходящим по числу противником. Означенный тактический ход был проведен асиром со всем блеском, достойным любого выдающегося полководца, наподобие Сигиберта Великого — Райгарх, не дожидаясь возможной атаки разгневанного Пузыря, нырнул в дверной проем, захлопнул тяжелый притвор и одним движением набросил на петли окованный железом засов.

«Засов, наверное, не слишком поможет, — сразу подумал асир, поскольку дверь содрогнулась от удара снаружи: Пузырь ударил по доскам всей тяжестью своего шарообразного тела. — И что ему, засранцу, здесь понадобилось? Может, он домой хочет и думает, что мы поможем? Бред...»

Дверь вновь сотряслась — Пузырь целеустремленно ломился в таверну.

- И что тут происходит? на шум явилась хозяйка, причем Лорна напустила на лицо хмурость и как бы невзначай поглаживала рукоять кинжала. Райгарх, за каким демоном ты заперся? Кажется, я тебе плачу за то, чтобы в моем доме соблюдалось спокойствие... Или в этом городе наконец-то нашелся человек, которому ты не сумел пообломать рога? Может, стоит нанять его вышибалой вместо какого-то пугливого асира? Я тебя спрашиваю?
- Человек? ощерился Райгарх. Идиотка! Можешь открыть дверь и поглядеть, что там за человек!

Очередной удар вызвал к жизни вихорьки древесной пыли, осыпавшейся с дверного косяка. Лорна зло прищурилась.

— Сейчас кому-то очень не поздоровится, — процедила хозяйка. — Райгарх, возьми арбале... О-о, свинячий потрох! Назад!..

Вопль Лорны переполошил всю таверну — завсегдатаи «Норы» отлично знали, что суровая бритунийка повышает голос крайне редко.

Обычно Лорна умудрялась усмирить любого пьяного буяна двумя-тремя тихими фразами. Каждый знал, что связываться с хозяйкой «Норы» себе дороже, поскольку хозяйка была щедра на тумаки и без помощи Райгарха могла вышвырнуть наглеца на улицу — хорошо, если тот отделается лишь сломанными ребрами.

Но этот, с позволения сказать, посетитель, никакого пиетета к Лорне из Бритунии не испытывал. Пузырю надоело без толку колотиться в запертую дверь и он предпринял более решительные шаги, попросту откусив верхнюю часть косяка и половину дверных досок. За несколько мгновений тварь объела весь проем, освободив себе дорогу, и величественно вплыла в обеденный зал «Норы», попутно своротив один из деревянных столбов, поддерживавших потолок.

Реакция немногочисленных посетителей таверны на визит Пузыря оказалась более чем предсказуемой — почтенные гости, голося и причитая, табуном бросились к боковому выходу. За ними последовала истошно взвывшая Рилнаслу жанка.

Ши, мгновенно углядев опасность и сдавленно выругавшись, нырнул под стол и потянул за собой не перестававшую тараторить Атику — последняя, увлекшись повествованием о бедствиях разнесчастного графа Альдосо, не замечала ничего и никого.

Конан вскочил, одновременно хватая за ножку один из тяжелых табуретов. Райгарх с Лорной потихоньку отступали к двери в кухню.

— Митра Милосердный, — выдохнула Лорна. — Похоже, моей разлюбезной «Норе» пришел вполне закономерный карачун... Он же разнесет дом в мелкое крошево! Видели, что

он сотворил с дворцом прецептора?.. Чего ему нужно?

Пузырь остановился. Из коричневой шкуры неожиданно выросли три белесых бугорка, расположившись прямиком над серповидным разрезом пасти. Бугорки изрядно походили на затянутые бельмами глаза.

- Давайте выйдем на улицу, тихо сказал Райгарх. Если тварюга увидит, что в доме никого нет уберется сама.
 - Уберется? Твоими бы устами... шикнула Лорна. Люди ему неинтересны.

Летучий монстр повернулся на звук и уставился на хозяйку всеми тремя глазкамишариками, заставив Лорну отпрянуть и упереться спиной в стену. Впрочем, Пузырь доказал правоту владелицы «Норы» — тщательно оглядев фигуры людей зубастый проглот отвернулся и осторожно поплыл к середине залы. Его целью был стол, облюбованный Ши и Конаном.

Оказавшись перед лицом явной опасности, которую, возможно, предстояло отражать оружием, киммериец и двигался, и держался совершенно иначе, чем в обыденной жизни. Ступал бесшумно, как кошка. Неуловимым движением Конан обогнул стол, и потянулся левой рукой за кинжалом, отлично при этом понимая, что как табурет, так и нож не причинят столь необычному супостату никакого вреда.

Пузырь надвигался с неумолимостью миниатюрного грозового облака.

Под столом завозились — были слышны яростные взрыкивания Ши и скрипучий щебет девичьего голоска:

- Да отпусти же меня, я хочу посмотреть! Руку, руку не дави!
- Сиди смирно, дура!
- Это кто здесь дура? Кто дура, я тебя, мерзавца, спрашиваю!? Раньше была «кошечка» да «солнышко», а теперь дура? Пусти, сказано! Знать тебя, урода, больше не желаю!

Что-то громыхнуло, послышался скрип отодвигаемой в сторону скамьи и прямиком перед Обжорой образовалось встрепанное, облаченное в вызывающе яркие одеяния рыжеватое существо с горящими любопытством глазами. От неожиданности Пузырь резко подался назад, наткнувшись на один из столбов. Дерево угрожающе затрещало, а Лорна отпустила такое словечко, что даже умудренный в искусстве неизящной словесности Райгарх хмыкнул и слегка покраснел.

Опомнившись, Пузырь возобновил плавное движение к столу и, явно решив напугать чересчур нахальную девицу, разъял пасть, показывая набор зубов и бездонную черноту желудка, в котором уже исчезла определенная часть славного города Шадизара.

Дальнейшее произошло буквально за несколько мгновений. Ни Конан, ни все остальные даже рот раскрыть не успели. Все, кроме прелестной Атики.

Возлюбленная Ши Шелама опознав в зависшем над ней странном предмете монстра, о котором судачил весь Шадизар, и истолковав его леденящую душу улыбку явно не в свою пользу, завизжала. Да так, что у Конана, стоявшего в трех шагах позади, заложило уши.

Это был великолепный визг! Могучий шквал, ураган звука, истинное чудо, порожденное человеческим голосом!

Услышь Атику любой вурдалак, воющий по ночам на заброшенном жальнике, стращая своими руладами мирных обывателей, он разрыдался бы от зависти, а потом удавился на первом попавшемся суку.

Пузырь издал панически-напуганный звук, совершенно утонувший в визге Атики, с быстротой арбалетной стрелы сорвался с места, смазанной полосой промелькнул перед

глазами людей и с невообразимым грохотом впечатался в дальнюю стену зала, проломив ее насквозь.

Брызнули щепки, взвился столб едкой трухи. Лорна схватилась за голову, подумав, что крыша «Норы» сейчас обязательно рухнет, превращая таверну в общую могилу.

Когда осела пыль, стало видно, что в округлую дыру падают солнечные лучи.

- Вот и новое окно, едва Атика замолчала, растерянно осматривая причиненные Пузырем разрушения, Ши вылез на свет и тоже уставился на пролом. Лорна, кто жаловался, будто в таверне темно? Подпилить края, поставить решетку, ставни, затянуть слюдой нет худа, без добра!
- Помолчи, хрипло сказала Лорна и утерла рукавом пот со лба. Значит, эта тварь действительно побаивается громких звуков... Спасибо Атика. Не думала, что ты можешь принести этому миру хоть какую-то пользу.

Атика сразу обиделась и гордо прошествовала к выходу. Ши рванулся было вслед, но его остановил грубый окрик Лорны.

— Демон прилетел не просто так, — подал голос Конан, аккуратно поставив табуретку на место. — Ему было что-то нужно. Пузырь словно пришел на зов.

Взгляд киммерийца упал на валявшийся перед ним изумрудный медальон. На всякий случай Конан убрал вещицу в карман штанов, от греха подальше.

— Не говори ерунды, — поморщилась Лорна. — Зверь живет сам по себе и никто не слышал, чтобы он подчинялся человеку. Наверное, залетел сюда случайно... Конан, Райгарх, берите инструменты и приводите дом в порядок! Дыру заделать, поставить новые столбы, восстановить двери! Демоны зубастые, всех посетителей распугали! От вас, олухов, сплошные убытки!..

Глава третья

О практическом использовании демонов

Ни когда Замора не была полностью независимым государством. Эти земли являлись коридором, по которому на протяжении столетий туда-сюда ходили все армии закатных держав — то Немедийцы решат повоевать с Тураном за богатые копи в Кезанкии, то подданные трона Аграпура отправятся выяснять отношения с чем-то насолившими Империи кофийцами, то владыки маленького, но задиристого Хаурана сцепятся с теми же немедийцами...

Почти триста лет назад Замора видела штандарты несокрушимых легионов Сигиберта Завоевателя, подчинившего Аквилонии половину материка, а полтора столетия тому здесь установил свои бунчуки гирканский каган Чурингийн, который впоследствии был разбит Немедией.

Вполне естественно, что малонаселенная территория Заморы попеременно управлялась наместниками очередной державы-победительницы и за последние столетия знамена на башнях городских управ Шадизара и Аренджуна менялись с завидным постоянством. Страной правили шемиты, кофийцы, офирцы, визири туранского владыки, легаты Хауранского престола...

Эта невероятная чехарда закончилась лишь семь десятилетий тому: могучий Трон Дракона окончательно и бесповоротно подмял владения Заморы и Коринфии, превратив их в

протектораты — немедийцы с суровой последовательностью строили великую империю и железной рукой наводили порядок на завоеванных землях.

Уникальность Шадизара состояла как раз в том, что сей изумительный город с невероятной легкостью впитал культуру и традиции всех сопредельных государств, переварил их в своем котле и породил на свет причудливое сплетение десятков наречий, верований, законов и обычаев. Рядом мирно сосуществовали пышность и утонченность Восхода, благородство Заката, непринужденность Полудня и суровость Полуночи.

Кроме того, Шадизар стоял прямиком на пересечении важнейших караванных путей — присутствие в городе людей с любым цветом кожи и разрезом глаз никого не удивляло, многообразие лиц и костюмов являлось более чем естественным, равно как и наличие на рыночных прилавках товаров со всего света.

Ши Шелам както не поленился посчитать, что в одной только лавке менялы Бар-Эйноха можно одновременно увидеть до полутысячи монет самой разной чеканки, от Аквилонии и Зингары до почти сказочного Пагана. Не менее въедливый Аластор тут же сообщил, что в городе благополучно уживаются культы почти девяноста богов — от общеизвестных, наподобие митрианства, до совершенно экзотических, насчитывающих всего по десятку адептов. Шадизар — это истинное воплощение полной, никем не ограничиваемой свободы во всех областях человеческого бытия.

Конан очень быстро научился пользоваться этой свободой в полной мере, снова доказывая общеизвестный постулат о том, что варвары могут с невероятной быстротой приспособиться к новым условиям.

Он перестал опасаться большого города, в котором оказался впервые в жизни, не видел теперь в каждом встречном врага и обманщика, узнал цену денег (и их отсутствия...) и в целом уже не выделялся из пестрой шадизарской толпы, став ее органичной частью. Хотя, конечно, киммериец доселе слабо разбирался в тонкостях городских привычек и обычаев. Но у него были хорошие учителя.

Поскольку вся компания — Хисс, Джай, Кэрли и Аластор — с раннего утра разбрелись по своим загадочным делам, Конану и Ши вкупе с Райгархом пришлось отдуваться за бесчинства Пузыря втроем. Восстановление порядка в таверне отняло почти два полных колокола. Ши, к упорядоченному и созидательному труду не приспособленный, только мешался под ногами да развлекался перебранкой с зеваками, явившимися поглазеть на причиненный Обжорой ущерб. По кварталу, кстати, уже поползли слухи, что заведение Лорны Бритунийки было съедено Пузырем едва ли не до фундамента, вкупе с хозяевами, постояльцами, домашней скотиной и разговорчивым нужником.

Навесили новую дверь, укрепили столбы, поддерживающие потолочные балки, дыру в стене, как и предложил Ши, превратили в новое окно, а Лорна послала служанку к соседукузнецу с заказом на крепкую металлическую решетку. Когда было торжественно провозглашено, что таверна снова может принять гостей, обеденный зал моментом наполнился посетителями — зеваки жаждали промочить горло и всласть перемыть косточки пакостному демону, который — вот ужас! — начал вламываться в дома добропорядочных горожан! Что же дальше будет, а, почтенные?..

— Пошли отсюда, — сказал Ши киммерийцу. — Сегодня в «Норе» грядет беспокойный вечер: глянь, сколько сплетников набежало! Ведь у Лорны хватит ума заставить нас прислуживать этим пьянчугам и таскать кружки с пивом в качестве возмещения за то, что мы привадили Обжору!

- Привадили? повторил Конан. Очень может быть. Знаешь...
- Ничего не знаю и знать не хочу, отрезал Ши, направляясь к выходу. Давай сходим к Каменному рынку.
 - Зачем? насторожился Конан.
- Навестим балаганчик месьора Каланьяса. Надо же поблагодарить Атику за чудесное избавление от Пузыря? У меня найдется для нее подарочек...

Ши покрутил на пальце амулет, позаимствованный у Герата. Вещь маленькая, но красивая, а кроме того, золото всегда остается золотом. Атика обожает подобные безделушки.

Конан обреченно потопал вслед. Очередная встреча с Атикой его совершенно не привлекала, а если Ши начнет уговаривать остаться на вечернее представление... Нет уж, лучше помогать Лорне в трактире! Или просто погулять по городу.

Спорить с Ши Шеламом было бесполезно — он почему-то всегда ухитрялся настоять на своем. Когда Конан сказал, что лучше пойдет в свою любимую таверну «Пещера Демона», где подавали настоящий черный эль, сваренный по рецептам Нордхейма, Ши взял киммерийца за локоть и сообщил, что с его, Конана, стороны будет просто-напросто чернейшей неблагодарностью и вопиющим невежеством не выразить Атике свою признательность.

Лишь только благодаря ее великолепно поставленному голосу «Уютная Нора» была спасена от поругания, осквернения и разрушения злонамеренным демоном, каковой наверняка не оставил бы от дома (ставшего Конану единственным пристанищем!) камня на камне! Словом, Ши просто заговаривал варвару зубы, целенаправленно шествуя к округлому деревянному сооружению с натянутым поверх многоцветным тентом.

«Амфитеатр месьора Каланьяса» предстал перед Конаном и Ши во всей сомнительной красе. Стены выстроены из грубых некрашеных досок, вход затянут потертой бархатной занавесью. На листах дешевого желтого пергамента криво выведены названия представлений — сегодня как раз предполагалось осчастливить публику сагой о графе Альдосо. Тут же торчали шесты с флажками и яркими лентами и воздвигался помост для глашатая, обязанного зазывать гостей.

- Вертеп, недовольно повторил Конан свое изначальное мнение о балагане. Если твоя Атика снова будет... того... э-э... ну, как в прошлый раз... Я сразу уйду! Да как можно людям такое показывать!
- То, что ты столь презрительно именуешь непонятным словом «того...», было наилучшей сценой всего представления! высокопарно парировал Ши. Самой одухотворенной! Самой трогательной! Неужели ты не понял, что Атика не просто занималась любовью ради собственного удовольствия, а ритуально совокуплялась со жрецом, дабы вызвать Духа Отмщения, обязанного воздать по заслугам виновникам смерти ее жениха!

Конан громко сплюнул.

Вошли. Ши, прижав палец к губам, показал Конану, что в этом храме изящных искусств говорить следует исключительно вполголоса, а лучшее вообще шепотом. Киммериец же разговаривать вовсе не собирался. Не о чем тут говорить...

Амфитеатр состоял из пятнадцати рядов скамей, полукругом обносивших небольшую сцену — Конан не мог вспомнить ни одного случая, чтобы все места были заняты. Дневной свет проникал через отверстия в широченном тенте крашеной парусины, куполом

накрывавшей сцену и сидения, а вечером зажигались факелы и лампы на краю подмостков. Декорации, как и всегда, были донельзя убогие и навевали тоску — сегодня сцену задрапировали черными и багровыми дешевыми тканями, на досках валялись ржавые цепи, в деревянный чурбак, изображавший плаху, был воткнут гигантский топор, для пущего страху вымазанный куриной кровью.

В первом ряду на жалобно поскрипывающем складном стульчике восседал удивительный субъект, сжимавший в пухлых коротких пальцах пергаментный свиток. Господин, обладавший угольной густопсовой бородищей, был устрашающе огромен и толстомяс. Положи его набок, рост не изменился бы — и так четыре локтя, и эдак. Конану месьор Каланьяс до смешного напоминал летучего Пузыря в человеческом обличье. Такой же круглый, напористый и нелепый.

— Что ты кривляешься, будто припадочный?! — вопил хозяин амфитеатра на одного из фигляров, с неприкаянным видом стоявшего на краю мостков. — Ты же злодей! Злодей с обагренными кровью руками и черными мыслями! В моем сочинении все понятно написано! — тут бородач близоруко уткнулся в пергамент и гнусаво продекламировал: — «Его толстое сытое лицо выражало брезгливое отвращение и самодовольство»! Слышал? Брезгливое отвращение! А ну, изобрази!

Горемычный фигляр, в отличие от месьора Каланьяса, вовсе не обладал толстым и сытым лицом, а потому все попытки следовать указаниям гениального сочинителя бесславно провалились.

- Бестолочи! сотряс воздух хозяин и в изнеможении откинулся на спинку стульчика, который не разваливался под его тяжестью не иначе как при помощи исключительно мощного волшебства. Скулди, убирайся прочь! С глаз долой! Атика, ты где? Твоя сцена, детка! Покажи всем этим бездарностям, на что ты способна!
- Присядем, тихонько сказал Ши на ухо Конану. Этот Скулди и впрямь не умеет играть... Ты посмотри на него какой из Скулди злодей?

Носивший странное имя Скулди парнишка лет восемнадцати походил на злодея, как Конан — на туранскую танцовщицу. Высокий, худой как щепка, с вечно несчастной миной на физиономии и тенями под глазами. Киммериец крепко подозревал, что месьор Каланьяс держит своих подопечных впроголодь, хотя балаган давал хозяину не слишком большой, но все таки относительно приличный доход.

Атика оказалась способна на многое. Конан в который раз убедился, что голосить она умеет. Благодаря толстому слою белил приятельницу Ши было не узнать.

Сам Ши Шелам немедленно пояснил, что бледна Атика потому, что ее героиня готовится к лютой смерти.

Заламывая руки, стеная и всем обликом демонстрируя, сколь тяжкая судьбина досталась возлюбленной казненного, Атика визгливо понесла:

И в назначенный срок у развилки миров Смерть обнимет меня, дочь холодных ветров, И толкнет в свои дроги. Но смеющимся ртом я скажу ей о том, Что дошла бы пешком, в царство мертвых вполне Доберусь без подмоги!

- Это она о чем? Конан нахмурился, пытаясь вникнуть в смысл, хотя был почти уверен, что никакого смысла в этих громких словесах нет и не было.
 - Гениально, завороженно прошептал Ши. Какое перевоплощение!
 - Ho… заикнулся киммериец.
 - Умолкни, варвар и сын варвара! Ты ничего не понимаешь!

Конан хотел было ответить, что «понимать» он ничего не желает, поскольку все и так ясно

— Каланьяс сочинил очередное непотребство, — однако, промолчал. Зачем обижать друга? У всех своя придурь — кому нравится вино, кому лотос, кому дурящая травка для кальянов, а вот Ши пристрастился к лицедейству...

Очнись же, сорван покров! В небесах плавят медь — Это Смерть!

Исторгнув последний возглас, Атика изломанной тенью рухнула под ноги явившейся изза занавеси фигуре в черном, вооруженной пламенным мечом — на деревянный клинок были привязаны алые ленточки, изображавшие языки огня. Фигура не без натуги подняла Атику на руки (уронив при этом меч) и уволокла со сцены.

— Аградан! — тоскливо воззвал месьор Каланьяс. — Еще раз потеряешь клинок — вышвырну на улицу, бездельник! Ты же Смерть, это твое оружие! Привяжи рукоять веревочкой к запястью!

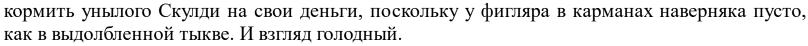
Смерть по имени Аградан оказалась молодым человеком с соломенными волосами, сияющим взором голубых глаз и гордым профилем. Держался Аградан совершенно подругому, нежели остальные фигляры, с эдакой чуть высокомерной независимостью. Судя по рассказам Ши, постоянно околачивавшегося в балагане и знавшего всё про всех, Аградан был сыночком какого-то немедийского барона или даже графа, изгнанным из дому строгим родителем — какой уважающий себя дворянин дозволит отпрыску заниматься презренным ремеслом лицедея?

- Добрый день, Ши, застенчиво сказал человек, подошедший к двоим приятелям. Конан тотчас опознал в тощем юноше Скулди, столь громогласно изгнанного месьором Каланьясом со сцены. Пришли посмотреть новую пьесу?
- Привет, Ши Шелам вскочил и подтолкнул Конана. Знакомьтесь. Этот здоровый малый Конан Канах из Киммерии, но все друзья называют его просто Малышом. А это Скулди из Пайрогии.

Варвар, уже знакомый с необходимым набором правил ритуальной вежливости, чуть поклонился. Скулди смотрел застенчиво и немного боязливо — широкоплечий, рослый и казавшийся нелюдимым Конан на кого хочешь произведет впечатление.

- Представление будет вечером, извиняющимся тоном сказал фигляр. Мы пока репетируем...
- Я к Атике в гости заглянул, ответил Ши. Ты сейчас свободен? Вот и отлично. Конан отведет тебя в таверну, пообедать.

Киммериец покосился на Ши с неодобрением — тот давал недвусмысленный намек, что третий (и тем более четвертый) сейчас будут лишними. А кроме того, Конану придется

- Хорошо, тем не менее согласился Конан. Ты останешься здесь?
- Разумеется, лучезарно улыбнулся Ши, кося глазом в сторону Атики, каковая, завидев милого дружка, направлялась прямиком к задним скамьям амфитеатра. Топайте, наслаждайтесь жизнью!

«За мой счет», — продолжил мысль бережливый Конан, но завидев приближающуюся Атику подтолкнул тихого Скулди и, тщетно пытаясь не торопиться, зашагал к выходу из балагана. В спину Конану и Скулди ударил бессвязный поток, адресованный Ши Шеламу:

— Явился, значит? Сначала хотел скормить меня чудовищу, а теперь пришел? Ты видел мою сцену? Удивительные стихи, правда? Аградан, подлец такой, все испортил! Надо же, в самый важный момент ронять меч!.. Чудовище больше не прилетало?.. Ты останешься на представление?

Конан мучительно соображал, о чем можно поговорить со долговязым Скулди, однако ничего путного на ум не приходило. В искусстве игры на театре киммериец не разбирался вовсе, занимательных книг не читал, поскольку учить принятые в Заморе немедийские буквы начал совсем недавно и мог прочесть лишь короткие и понятные надписи на монетах и вывесках. Рассказать что ли про общие с Ши Шеламом дела, отнюдь не отличавшиеся уважением к закону? Тоже не выйдет — Ши категорически запретил распространяться об их общих похождениях, да и сам Конан отлично понимал, что честные люди таких поступков не одобрят. А Скулди, несомненно, честный человек, поскольку имеет ремесло, хоть и презренное.

— «Золотая ящерица», — сказал киммериец, разобрав надпись на деревянном щите, украшавшем вход в таверну за углом. Рисунок над дверьми полностью подтверждал правоту Конана: художник изобразил тощую золотистую ящерку свернувшуюся в колечко и державшую во рту трилистник клевера. — Давай посидим здесь. Согласен?

Скулди мелко кивнул и покраснел. Наверное, понимал, что угостить нового знакомого не сможет, а вовсе наоборот — будет есть-пить на серебро хмурого варвара.

«Совестливый, — отметил про себя Конан, заметив пунцовые уши нового знакомца. — Значит не все фигляры такие, как Атика».

Сейчас, в разгар торгового дня, таверны Шадизара были полупустыми. В «Золотой ящерице» обнаружилось лишь четверо праздных посетителей. Конан хозяйски обустроился за широким столом, усадил рядом Скулди, и мрачновато поглядел на подбежавшего служку.

- Горячую баранину, овощи, пшеничные лепешки, вино, коротко приказал варвар и бросил на стол монету в половину немедийского аурея. На двоих.
- Мне бы хватило только лепешек и настойки на травах, очень-очень тихо проговорил Скулди, опустив глаза. Зачем так тратиться?
- Ты ешь, а не рассуждай, цыкнул Конан. Если не ошибаюсь, злодей, которого ты изображаешь в балагане, должен быть сытым и накормленным, так?
- А-а, барон Эспиноса? оживился Скулди, обнаружив, что киммериец знаком с сочинением господина Каланьяса. Все правильно. Этот барон оклеветал месьора Альдосо и отправил его на эшафот, чтобы взять в жены прекрасную невесту графа.
 - Атику? хмуро уточнил Конан.
- Угу, промычал сквозь набитый рот Скулди. Ужасная история. Месьор Каланьяс очень талантлив, пускай и... Пускай и не очень хорошо относится к своей труппе.

- Много зарабатываешь с одного представления? поинтересовался киммериец, наблюдая, как Скулди уписывает баранину. У Конана сложилось такое ощущение, что мальчишку не кормили дней эдак десять.

 Один аурей за седмицу, кашлянув, ответил фигляр, а варвар тихонько присвистнул.
- Аурей, золотую монету Трона Дракона, можно было обменять на три десятка серебряных «коринфских талеров», мелких монеток, выпущенных немедийцами специально для протекторатов Коринфии и Заморы. Прокормиться на тридцать серебряшек было бы невозможно даже воробью, не то, что человеку. И при этом Конан точно знал, что жирный Каланьяс берет за вход на представление по пол-аурея с человека.
- Я не жалуюсь, вновь покраснел Скул-Аи, увидев, как варвар изменился в лице. Нам хватает… Иногда Атика помогает, она хорошая девушка, добрая.
- «Ясно. Атике золото дарит Ши, а она делится с остальными, сделал вывод Конан. Каланьяс попросту бесстыдно наживается на своих фиглярах... Вот скотина».
- Я бы на вашем месте ушел от хозяина и нанялся в другой балаган, недовольно проворчал киммериец.
- А куда уходить? скептически хмыкнул Скулди, уже гораздо смелее наливая в свой кубок вина из кувшина. Кому мы нужны кроме Каланьяса? Податься в уличные акробаты или выдыхатели огня? Этими талантами ни я, ни остальные не владеем. Надеемся, что будет лучше хозяин следующей весной хочет поехать в Аренджун и потом в Немедию, показывать свои пьесы подданным Трона Дракона. В Бельверусе или Нумалии наверняка сборы будут гораздо больше.
- Даже если и так, весь доход прикарманит Каланьяс, ответил Конан. Проучить бы его... Нельзя быть таким жадным.
- Он не жадный, он просто умеет считать деньги, неубедительно заявил Скулди. Хозяин нас одевает, платит за жилье. Правда комнаты на постоялом дворе «Четыре коровы» не самые хорошие, но все-таки это лучше, чем ничего.
- У нас в Киммерии, задумчиво сказал Конан, говорили так: лучше ничем не владеть и быть свободным, чем получать подачки и зависеть от дурного человека. Скулди лишь тяжело вздохнул.
- Я пойду, хорошо? он просяще взглянул на киммерийца. Скоро представление, а мне надо заново прочитать роль... Если чего забуду Каланьяс меня наизнанку вывернет.
- Значит, наизнанку... повторил Конан. Это мы еще посмотрим. Доедай. Отправимся вместе. Хочу взглянуть на эти... гм... страсти графа Альдосо.
 - Правда? обрадовался Скулди. Вот никогда бы не подумал, что ты любишь театр.
- А я его вовсе и не люблю, усмехнулся варвар, нашупав в кармане медальон с изумрудом. Просто хочу проверить одну догадку. Давай захватим с собой кувшинчик с вином? Какое тебе нравится больше красное, белое, из Шема или Офира?
 - Я не знаю...

* * *

Солнце натужно ползло к горизонту, меняя цвет с золотистого на болезненно-багровый и окрашивая славный город Шадизар в красноватые тона. Господствовали алые, пурпурные, карминовые и коралловые краски — даже дворец протектора, беломраморный с искоркой,

казался облитым свежей кровью.

Едва сумерки начали сгущаться, над дверьми многочисленных таверн, веселых домов, салонов для благородных и прочих бесчисленных увеселительных заведений загорелись факелы и затянутые цветной слюдой фонарики. Амфитеатр месьора Каланьяса не стал исключением. Нанятые хозяином за несколько медяков мальчишки поднимали на шестах лампы, вешая их на вбитые в стены крюки, на помосте надрывался зазывала — «Леденящая душу кровавая драма! Любовь, смерть и жаркие объятия! Заходите, не пожалеете!»

Постепенно собиралась публика. В основном балаган посещали иноземные купцы, которым некуда было податься в чужом городе, немедийские десятники и сотники, состоящие при городском гарнизоне, несколько благородных, обуянных непременной дворянской скукой и просто беззаветные ценители изящного слова, наподобие Ши Шелама.

Проныра Ши занял для себя и Конана хорошие места, на задних, самых высоких скамьях, точно напротив сцены. Оттуда лучше всего видно. Справа и слева от подмостков расположились шестеро кезанкийских горцев с чудовищными трубами — киммериец поначалу даже не понял, что установленные на деревянных подставцах длиннющие инструменты длиной в два человеческих роста призваны издавать звуки, а не являются каким-то диковинным видом оружия.

Шли последние приготовления. Посетители балагана переговаривались и хрустели орешками, за пыльным занавесом обозначилась мышиная возня — это фигляры облачались в свои костюмы.

— Ого, ты только посмотри, кто пришел, — Ши пихнул варвара локтем. — Герат! Точно тебе говорю, это же Герат Айбениль! С новой подружкой! А еще говорят, что Белые маги придерживаются обета целомудрия! Как же, ждите!

Конан посмотрел вниз и направо. Рядом со входом тяжеловесно приплясывал месьор Каланьяс, хлебосольным голоском приветствуя благороднейшего гостя и его прекрасную спутницу. Герат, в противовес обычаям магического конклава, сегодня облачился не в привычную белую хламиду, а в мирское платье — дорогой бархатный колет аквилонского покроя, круглая шапочка с пером, на поясе обязательный кинжал. Прибывшая вместе с волшебником полноватая дева была задрапирована в невесомые кхитайские шелка и сверкала дорогими украшениями.

- Иштар Добросердечная, Ши схватился за сердце. Видишь колье с сапфирами? А браслеты? Как роскошно люди живут, подумать только!
- Ручонки зачесались? одернул приятеля Конан. Даже не пытайся! Герат волшебник. Коснешься драгоценностей его приятельницы и будешь тотчас превращен в крысу... Или во что похуже.
- Знаю, расстроился Ши. Кто мне ответит, почему содержанки богачей таскают на себе такие красивые штуковинки, вводя нас, бедных людей, во искушение и подталкивая к греху зависти? Носила бы дома, а не выставляла напоказ!
- Тебя не спросили, буркнул киммериец, наблюдая, как владелец балагана, лебезя и воркуя, усаживает Герата на самые дорогие места перед сценой установили десяток облезлых золоченых кресел для самых обеспеченных гостей. Доселе было занято лишь одно кресло на представление явился немедийский легат, командовавший когортой щитников Трона Дракона, квартировавшей неподалеку от города.

Наконец, с подобающей торжественностью было возвещено о начале действа — раздались три удара гонга, засим взревели трубы кезанкийцев. Занавес рывками пополз в

сторону, открывая подмостки. Разодетый в вульгарную парчу Каланьяс, предваряемый бородой и животом, выплыл к краю сцены и противно гундося завел:

- Поведаем мы миру о несчастье, свершившемся сто лет назад в Офире! В Ианте достославной жили граф Альдосо и мерзостный злодей, себя именовавший Эспиносой...
- Это называется «прологом», пояснил Ши необразованному Конану. Он рассказывает о всех героях представления. Видишь, они по очереди выходят на сцену?.. Смотри, смотри! Атика!

Пользуясь тем, что Ши во все глаза созерцал подмостки, где начало разворачиваться слезливое сверх всякой меры действие, киммериец потихоньку вытащил медальон.

«Если я прав, то сегодня можно будет устроить Каланьясу веселенькую жизнь, — подумал Конан, рассматривая руны. — Поглядим, что из этого получится...»

Указательный палец коснулся знака «Терва». Изумруд, как и утром, полыхнул зеленой искрой. Теперь следовало подождать результатов.

Шло время, бессмысленно и надрывно мололи языками одержимые страстью герои, амфитеатр оглашался то рыданиями Атики, оплакивавшей грядущую гибель любимого, то зловещим хохотом злодея-Скулди. Графу Альдосо под душераздирающий рев труб и барабанный бой снесли бесталанную головушку.

Конан представлением откровенно тяготился — ему было не интересно, а забавная шутка, заодно призванная сбить спесь с месьора Каланьяса, не получилась... Подозрения варвара не оправдались — медальон не действовал.

«С чего вдруг я решил, будто камень как-то связан с Пузырем? — подумал Конан. — Лорна была права — Обжора прилетел в «Нору» случайно…»

Но, как известно, не бывает ничего случайного в этом мире. Внимание киммерийца привлек стихий звук, похожий на стрекот сверчка. Исходил звук откуда-то сверху.

— Ух ты... — выдохнул Конан, рассмотрев, что точнехонько над его головой висит Пузырь, незаметно пробравшийся в амфитеатр через зазор между широким куполом тента и деревянной стеной. В полутьме Обжору никто не видел — гости были заняты происходящим на сцене, а фигляры с головой погрузились в трагедию офирского графа и ничего кроме самих себя не замечали.

Конан перевел взгляд на медальон и пересчитал руны, украшавшие платиновый диск с камнем посередине. Знаков, как и полагается, было два раза по двадцать четыре — весь набор символов, дарованных Вотану, одному из богов Полуночи, за то, что Вотан принял ритуальное мученичество, пригвоздив себя копьем к ясеню. Киммериец знал, что перевернутые руны, составлявшие второй круг, несут в себе противоположный смысл — если знак «Тюр» обозначает жизнь, то нарисованный вверх ногами, он символизирует смерть.

Играть с жизнью и смертью Конан не хотел, а потому дотронулся до перевернутой руны «Гауд», смысл которой можно было означить словами «уничтожение», «разрушение». Каковы будут последствия, киммериец представлял плохо, но думал, что ничего очень уж страшного не случится.

Волшебник Герат, будто почувствовав неладное, пошевелился и оглянулся. Изумруд моргнул скрытым в глубинах камня огоньком и...

— Спасайся кто может! — Ши первым сообразил, что происходит. — Помоги-ите!

Благочинное течение представления было грубейше нарушено внезапно осерчавшим Пузырем. Обжору будто с цепи спустили.

Прежде никто и никогда не видывал, чтобы довольно флегматичный Пузырь носился с такой быстротой. Зверь перемещался зигзагами, за долю мгновения преодолевая расстояние в пятьдесят локтей, на миг зависал над выбранной точкой, начинал вертеться волчком, срезая зубами стены, декорации и превращая в пыль предметы обстановки. Разумеется, немедленно началась шумная паника — зрители бросились к выходу, но проем оказался чересчур узким и случилась давка. Пузырь в это время пожирал скамьи и кресла.

Герат попробовал было запустить в чудище огненным шариком, но комок магического пламени рассыпался бессильным искрами. Подружка волшебника, узрев, как Обжора в один укус заглотил кресло, на котором она только что сидела, рухнула без чувств на руки Герату.

С треском рухнули подмостки — хорошо, что фигляры успели сбежать за кулисы. Пузырь метнулся вверх, срезал канатики, на которых держался тент и заодно перегрыз высокий шест, поддерживавший его посередине. Тяжелая парусина накрыла поле битвы и самого Обжору, но тварь сразу же проделала в ней дыру и продолжила уничтожать заведение месьора Каланьяса.

Публика, вырвавшаяся наконец на свободу (спасибо Пузырю — он разломал стену) начала разбегаться, оглашая квартал жалобными воплями и привлекая внимание стражи. Сухая парусина тента загорелась, поскольку в рядом со сценой остались непогашенные факелы и масляные лампы, что и довершило картину бедствия — амфитеатр бесславно прекратил свое существование, превратившись в груду головешек и деревянных обломков.

— Бел Милостивец, защити и убереги, — дрожащим голосом выдавил Ши, обводя взглядом развалины балагана. — Что ж это делается на белом свете?

Конан промолчал. Ему и Ши Шеламу повезло выбраться наружу в числе первых, поскольку у Ши было редкостное чутье на опасность — он сразу потащил киммерийца к боковому выходу, предназначавшемуся для хозяина и фигляров. В эту же дверь выскочили Атика, Скулди, подвывающий от страха Каланьяс и все остальные участники представления. Вокруг быстро прогоревшего строения собирались праздные и любопытствующие горожане.

Буйство Пузыря, однако, на том не исчерпалось — зверь перенес свое внимание на близлежащий двухэтажный домик, в коем, если судить по вывеске, располагалась лавка серебряных дел мастера Атрания. Толпа начала свистеть и улюлюкать, послышался стук копыт — явилась конная стража в количестве десятка гвардейцев протектора.

Мастер Атраний остался бездомным спустя четверть квадранса, едва успев вместе с семейством покинуть разваливающееся на глазах строение. Разбушевавшийся Обжора превратил свою пасть в устрашающее оружие — вместо верхней и нижней челюстей существа внезапно образовались аж целых три, напоминавшие усеянные зубами лепестки огромного тюльпана. Тварь вонзалась в блоки желтого песчаника будто раскаленный штырь в масло и проедала камень насквозь.

- Назад, назад! вопил десятник гвардии, пытаясь оттеснить зевак, каковые прибегли к испытанному средству борьбы с летучим монстром и начали забрасывать его булыжниками. Пузырь не реагировал.
- Он же так весь город сожрет! простонал Ши, когда тварюга закончила с домом Атрания и принялась за большой деревянный сарай, принадлежавший немедийской купеческой гильдии. Спасайся кто может! Обжора взбесился!

Конан, пользуясь тем, что с суматохе на него никто не обращает внимания, лихорадочно раздумывал, как можно утихомирить проклятую тварь. Варвару стало окончательно ясно, что старинный амулет позволяет отдавать приказы Пузырю — недаром было столько разговоров

о том, что древние альбы умели повелевать демоническими существами! Можно прозакладывать собственную голову — медальон с изумрудом вышел из альбовых мастерских и, возможно, принадлежал одному из самых великих магов ушедшего народа!

Конан воспользовался сразу двумя значками, означавшими, соответственно, «мир, умиротворение» и «дорогу», рассчитывая, что Обжора прекратит бесчинствовать и уберется подобру-поздорову.

Только бы сработало!..

Высокий бревенчатый сарай в этот момент как раз накренился и медленно, будто бы нехотя, обвалился, вызвав новый всплеск эмоций у толпы.

Из клубов поднявшейся столбом пыли выплыл объект всеобщего внимания, поднялся на высоту десяти локтей и тотчас встретил новый залп камней, от которого не сумел увернуться — несколько булыжников чувствительно задели

Обжору. Зверюга взлетела еще выше, обиженно зачирикала и брыосилась прочь, исчезая в мягких жарких сумерках.

— Пойдем-ка домой, — нервным голосом сказал Ши, поднимая взгляд на Конана. — Кажется, сегодня у нас был очень неудачный день...

Глава четвертая

Высокие договаривающиеся стороны

Всё пропало, понимаете, всё! — причитала Атика, размазывая по лицу слезы вперемешку с белилами и тенями для глаз. — Он даже костюмы сожрал! Чтоб ему, мерзавцу, несварением десять седмиц маяться! Месьор Каланьяс слег — ему стало дурно с сердцем, пришлось звать лекаря!

— Однако, при этом хозяин не забыл выгнать вас на улицу, сказав, что ему нечем платить владельцу постоялого двора, — не преминул заметить Конан. — Неужто у него ничего не осталось? И потом, разве можно в трудные времена бросать людей, с которыми ты долго трудился и жил под одной крышей?

Атика и Скулди, явившиеся поздно вечером в «Уютную Нору», промолчали. Каланьяс действительно поступил не слишком красиво — упиваясь своим горем, толстяк прогнал всех фигляров из захудалой таверны «Четыре коровы», не заплатив при этом ни медяка за последние представления. Некоторые смогли устроиться самостоятельно, благо в прошлом отложили немного денег на черный день, но подружка Ши и Скулди относились к той категории людей, которые жили не задумываясь о будущем. Сегодня сыты — и ладно...

У Ши Шелама серебро водилось, а кроме того, Ши редко отказывал друзьям в помощи. Атика поразмыслила, взяла крохотный сундучок со своими пожитками, прихватила с собой Скулди, и направилась в «Нору» — искать сочувствия.

Ши поговорил с Лорной и погорельцам было дозволено ненадолго поселиться в каморке под лестницей с условием, что они в обязательном порядке будут платить за еду — кормить дружков Ши бесплатно хозяйка вовсе не собиралась. Конан пошарил в кошельке и обнаружив там несколько ауреев отдал деньги Лорне с расчетом на несколько дней вперед — варвар чувствовал себя виноватым. Он просто хотел напугать жирного Каланьяса, а вышло...

Ладно бы амфитеатр — в конце концов фигляры могли наняться в другой балаган, которых в Шадизаре хватало! Пузырь за несколько мгновений разорил уважаемого мастерового, сожрав его жилище и лавку, а у месьора Атрания было шестеро детей! Конана утешало одно — никто не погиб, поскольку зубастый демон, как и раньше, людей не трогал.

Явившийся на место происшествия глава управы дознания, грозный месьор Рекифес только ругался и поносил на чем свет стоит гнусных демонов, не дающих ему, Рекифесу, жить спокойно. Вообще-то, присланный из Немедии чиновник слыл в городе умалишенным, поскольку не брал взяток, не желал договариваться с «хозяевами» кварталов о взаимном нейтралитете и старался делать так, чтобы «все было по закону». И это в Шадизаре!

Пострадавшим Рекифес сказал, что поделать он ничего не может, ибо демоны шадизарским властям не подчиняются. Следовательно, заключить Пузыря в темницу или потребовать от него возмещения ущерба невозможно. С тем глава управы отбыл домой, предоставив труппе месьора Каланьяса и семейству Атрания самостоятельно позаботиться о своей дальнейшей судьбе.

Серебряных дел мастер во всеуслышание пригрозил обратиться за помощью к самому протектору, поскольку он всю жизнь честно платил налоги и по любым законодательным уложениям стража обязана защищать имущество и достояние подданных Заморийского протектората от любых посягательств.

Собравшиеся возле разрушенного дома люди понимающе покивали, но каждый здал, что никакого возмещения от протектора Атраний не получит — наместник, как и месьор Рекифес, обязательно сошлется на то, что силы демонические никакой государственной власти не подотчетны.

Безутешную Атику и бледного как полотно Скулди отправили спать — было очень поздно. Лорна закрыла таверну, отпустила прислугу и удалилась в свою комнату под ручку с Райгархом. В скупо освещенном обеденном зале остались только Ши и Конан, выглядевший куда мрачнее обычного.

- Что ж теперь делать? вопрошал саму у себя Ши, водя пальцем по красной винной лужице на столе. Атике и ее дружкам надо бы помочь, но как? Каланьяс говорил, что построить новый амфитеатр очень дорого... Тьфу, и как Обжору угораздило учинить столько безобразий за один день? Может, его кто обидел, вот Пузырь и разошелся?
- Обидел? переспросил Конан, покачав головой. Слушай, давай выйдем на задний двор. Хочу тебе кое-что показать.

Киммериец решил признаться. Сознание собственной вины в происшедшем Конана тяготило. Если все рассказать Ши, наверняка станет легче.

Два приятеля выбрались из дома через кухонную дверь и Ши Шелам сразу же начал сквернословить под нос: по двору, освещенному полной луной, бродило создание, еще более несуразное, чем летучий Пузырь. Единственно, это порождение неведомого волшебства было совершенно безобидно, хоть и занудливо.

- Путь к звездам сквозь мрак покрыт терниями, застенчиво сообщила людям деревянная будка в вырезанным на дверце сердечком. Идущий да осилит...
- Катись отсюда, зараза! Ши схватил валявшуюся под ногами хворостину и огрел ходячий нужник по шершавым доскам. Только тебя еще не хватало! Иди, иди...

Будка издала вздох, в котором слышалась вселенская тоска и мировая скорбь, и, перебирая длинными паучьими ногами, заковыляла в сторону, разочарованно повествуя о нежелании смертных облагородить свои души через причащение к сокровенным тайнам

мироздания.
— И что ты хотел мне показать? — Ши повернулся к Конану. — Зачем надо было идти
на улицу?
Киммериец молча достал медальон и вызвал Пузыря.
— Камушек блестит красиво, — согласился Ши, с недоумением наблюдая за
варваром. — Увы, но оставить побрякушку себе мы не сможем. Завтра же придется ее
продать какому-нибудь собирателю древностей, например месьору Ариатидису с Шелковой
улицы. Деньги отдадим Атике со Скулди, им нужнее. На первое время золота хватит О-о,

Обжора явился быстро. Зубастый шарик спикировал во двор «Норы» и преспокойно завис перед Конаном, ожидая дальнейших распоряжений.

— Да что же ему, паршивцу, от нас нужно? — всплеснув руками, разъярился Ши. — Только бы... Э, Конан, постой-ка! Ты хочешь сказать...

Ши красноречиво покосился на сияющий густой малахитовой зеленью медальон.

- Именно, буркнул Конан. Утром я дотронулся до одной из рун и Пузырь явился в таверну. Я тоже сначала подумал, что он прилетел случайно, но потом оказалось, что амулет может каким-то образом управлять Обжорой. Ты только не ругайся... Я хотел проучить Каланьяса...
- Тридцать три зеленых демона и их зубастая матушка! ахнул Ши, переводя взгляд с медальона на тихонько чирикающую тварь. Митра Солнцезарный, Эрлик-воитель и его железная задница!
 - Не богохульствуй, нахмурился Конан.

нет! Опять!

- Это я богохульствую? взвился Ши, пытаясь сдержать крик, способный перебудить всю округу. Да ты понимаешь что натворил, о безмозглое порождение полуночных скал? А ну, отдай амулет!
- Зачем? Конан спрятал вещицу за спину. Так или иначе, Ши не сможет отобрать медальон слишком очевидна разница в силе.
- Давай сюда! Прикажу Пузырю откусить тебе ту штуку, благодаря которой на свет появляются новые маленькие киммерийцы! Ничего себе, шуточки! Оставил людей без жилья, без денег, и еще хвалится своими подвигами!
 - Я не хотел, проворчал Конан. Я не думал, что Пузырь устроит такое...
- Не думал? А когда ты вообще последний раз думал? Ты хоть знаешь что такое «думать», дикарь? Убери отсюда демона! Быстро! Еще не хватало, чтобы он устроил в «Норе» очередной разгром! Лорна просто с ума сойдет!

Возмущался Ши Шелам цветисто, разнообразно и забористо. Конан, пропуская мимо ушей чересчур эмоциональные речения друга, отослал Обжору — летучее диво вновь беспрекословно подчинилось и отбыло в неизвестность, попутно слопав сушившиеся на веревке исподние штаны трактирного вышибалы.

- Если Райгарх узнает убьет на месте, заключил Ши, наблюдая за мирно удаляющимся Пузырем. Вернемся в дом, подумаем, как можно использовать имеющееся у нас преимущество...
 - Какое преимущество? не понял Конан.
- Обыкновенное. Ты что, совсем деревянный? издевательски спросил Ши, запирая дверь. Обжора это наш шанс! Завтра отправимся за город, в Сонную лощину люди туда не ходят, за нами никто не подсмотрит. Проверим, насколько Пузырь будет нас

- слушаться. Говоришь, им управляют рунические знаки?

 Кто меня совсем недавно убеждал, что обычным людям не стоит связываться с демонами и волшебством? недовольно буркнул киммериец. Из этой затеи не выйдет ничего хорошего.

 Откуда мы знаем, вдруг Обжора никакой не демон? Ши легкомысленно пожал плечами. Вдруг это просто... э... такое животное? Может быть где-то существует целый мир, населенный подобными Пузырями? Пузыри-мамы, пузыри-дети, даже сборщики
 - И что мы будем с ним делать?

налогов и публичные девки — пузыри?

- Бел-обманщик! Если в Киммерии все и каждый соображают настолько туго, то я опасаюсь за будущее вашей страны! Обжора способен проникнуть куда угодно, хоть в кладовые Чамгана, хоть в сокровищницу протектора! Ясно? Он прогрызет дыру, а дальше в действие вступят наши умные головы и ловкие руки! Мы испортили людям жизнь нам и исправлять! Или ты хочешь, чтобы Атика или месьор Атраний с его детишками остались нишими?
 - Думаешь получится?.. с нотками сомнения сказал Конан, потирая подбородок.
- Должно получиться! убежденно воскликнул Ши и вдруг обернулся на тихий стук в дверь. В чем дело? Кого еще принесло в такое время? Кто там? Свободных комнат нет, таверна закрыта на ночь!
- Ши, это ты? послышался приглушенный голос. Я знал, что вы еще не спите. Открой, надо поговорить.

Отбросив засов, Ши с изумлением обнаружил стоящего на пороге Герата Айбениля. За спиной волшебника виднелся богатый портшез и фигуры телохранителей.

- Герат, тебе не кажется, что сейчас не время для визитов? чуть более развязно, чем следовало бы, осведомился Ши Шелам, стараясь не показать смущения.
- Надо поговорить, упрямо повторил волшебник. Затем Герат повернулся к своим охранникам, бросил «Ждите снаружи», и решительно вошел в таверну.

Ши, обменявшись непонимающим взглядом с Конаном впустил позднего гостя, указал на близлежащий стол и притащил кувшин с вином.

- За минувший день произошло много странного, без лишних предисловий сказал Герат, подозрительно понюхав жидкость, которую Ши налил в оловянный стаканчик и подал волшебнику. Я мимолетно слышал о нападении Пузыря на вашу таверну, в театре досточтимого господина Каланьяса присутствовал лично, как и вы, друзья мои.
 - И дальше что? прищурился Ши.
- На представлении я почувствовал всплеск чужеродной нечеловеческой магии. Древней магии, скорее всего альбийской.
- Это бывает, наилюбезнейше улыбнулся Ши Шелам. Но мы с Конаном тут при чем? Мы не волшебники, чернокнижием не увлекаемся...
- Потом, когда демон разрушил дом Атрания и начал пожирать склад немедийских купцов, я вновь ощутил магический поток, терпеливо продолжил Герат. И успел найти его источник. Конан, будут объяснения?
 - Оставь в покое Малыша, повысил голос Ши. Мы ничего не знаем!
- Возможно и не знаете... кивнул Герат. Когда я ехал к вам то есть прошло всего лишь около одного квадранса! незнакомая магия вновь вспыхнула неприметной для непосвященных искоркой... Возле этого дома. И почти сразу мои цепные псы углядели

летящего над крышами домов Обжору. Странно, не правда ли?
— Очень странно, — продолжая обворожительно лыбиться согласился Ши. —
Удивительное совпадение! Герат, к чему ты клонишь?
— Сегодня поутру я видел некий очень старинный предмет, явно связанный с утерянным
волшебством альбийской расы. Платиновый овал с выгравированными рунами и изумрудом
посередине. Магия альбов дает о себе знать несколько раз в течении дня и всегда неподалеку
появлялись месьоры Шелам и Канах вкупе с летучим демоном По моему, выводы
очевидны.
— Разве? — Ши растянул рот до ушей, сверкая всеми тридцатью двумя белыми
зубами. — Между прочим, некий волшебник, видевший некий предмет, тогда сказал, что
нечеловеческая магия его не привлекает и отправил продавцов восвояси
— Я ошибся, не подумал. Продайте мне медальон, — Герат ударил напрямую. — Вы не
понимаете, с чем имеете дело. Вернувшись домой после злосчастного представления, я
перерыл все книги, в которых упоминается магия древних и нашел описание тварей, похожих
на Пузыря как две капли воды. Альбы называли их «Пожирателями сущности».
— Очень меткое название, — с приторной вежливостью ответствовал Ши Шелам. —

- Пузырь действительно частенько пожирает сущность. Как мы раньше не замечали!
- Демон не принадлежит тварному миру, да и нетварному тоже, Герат начал сердиться. — Пожиратели обитают в Пустоте, вне времени и пространства, уничтожая отжившие свое миры. Они — вселенские мусорщики. Только умоляю, не надо плоских шуток о том, что в Шадизаре им самое место! Продайте амулет и тогда я попробую спровадить Пузыря обратно в Пустоту!
- Но сначала немного попользуещься способностями демона в своих целях? нагловато осведомился Ши. — Или я не прав?
- Это уже не входит в сферу твоих интересов, мой дорогой Ши, парировал волшебник. В переводе с куртуазного языка на обыкновенный, эта фраза означала вполне доходчивое: «Не твое собачье дело».
 - Сколько? вдруг спросил Конан.

Ши поперхнулся и воззрился на варвара. Если бы он умел убивать взглядом, то в Шадизаре на одного киммерийца стало бы меньше. Ши вовсе не собирался расставаться с такой полезной вешицей!

- Триста ауреев, быстро ответил Герат.
- Тысяча, нехотя отозвался Ши. И не сегодня, а через два дня. Цена окончательная, торговаться я не собираюсь. Послезавтра вечером ты получишь медальон в целости и сохранности. Но не раньше.
- Боги милосердные! воскликнул Герат. Что вы еще придумали, засранцы? Мало вам сегодняшних разрушений?
- Во-первых, мы тебе не «засранцы», а уважаемые Ши Шелам и Конан Канах. Вовторых, если будешь настаивать — сделка вообще не состоится, а камень мы продадим гномам, в Чамган. Поверь, достать его оттуда будет невозможно, поскольку гномы быстро поймут выгоду — Пузырь без всяких затруднений сможет прокладывать для подземных карликов новые туннели. В-третьих... — Ши громко, с привизгом, зевнул, — в третьих, мы хотим отдохнуть. Советуем тебе сделать то же самое, поскольку завтра ожидается не менее интересный денек.
 - А если я... Герат хищно подался вперед и сжал кулаки.

— Если ты вдруг собираешься угрожать нам магией или клинками своих мордоворотов, оставшихся на улице, то прилетит Обжора и живо растолкует кое-кому правила приличия, — медоточивым голоском сказал Ши. — Герат, не будем ссориться, мы же друзья! Я обещаю, что через два дня ты получишь эту игрушку и сможешь вытворять с Пузырем все, что заблагорассудится!

Волшебник натянуто улыбнулся, встал и направился к двери. Толкнув притвор, он задержался на пороге и проговорил сухо:

— Будьте поосторожнее с амулетом! Если послезавтра на месте обожаемого нами Шадизара обнаружится выжженная пустыня и груда развалин, превращением в обыкновенных крыс вы оба не отделаетесь, слишком много чести...

Глава пятая

Про сытых тигров

Конан, слегка развалясь, восседал на большущем плоском валуне и наблюдал за оживленными эволюциями Ши Шелама, который явно вошел во вкус.

Над полянкой, обрамленной пыльными кустиками барбариса и акации порхал Обжора. Удивительное шарообразное создание чирикая и стрекоча носилось вперед-назад, под восторженные вопли Ши поедало камни и небольшие деревца или просто описывало над головами людей широкие круги.

Как и предполагалось изначально, признаками интеллекта пузатый демон обременен не был — Пузырь оказался всего лишь туповатым исполнителем приказов, ничуть не лучше любого королевского сержанта из стражи протектора.

Экспериментировали целое утро. На рассвете Ши с Конаном покинули город через Аренджунские ворота и бодренько зашагали в сторону Полуденного восхода. Там, возле холмов, находилось множество распадков, оврагов и заросших кустарником возвышенностей. Поскольку в этих местах не было ручьев и речушек, жители города не разводили на холмах огородов, а кроме того здесь обитало множество змей. Более уединенного местечка и не найдешь.

Выбрав подходящую поляну, Конан растолковал другу значение самых важных рун, после чего разнесчастному Пузырю пришлось попотеть. Два авантюриста проверяли действие рун в самых разнообразных сочетаниях, иногда добиваясь прямо-таки поразительных результатов. Выяснилось, как можно указать демону, что именно следует грызть, как заставить Обжору лететь в нужном направлении, как приказать ему отступить и умиротворенно зависнуть в воздухе без единого движения.

Один из опытов едва не закончился плачевно — Ши наудачу выбрал несколько рунических символов, последовательность которых, разумеется не запомнил (оно и к лучшему, честно говоря...), и Пузырь неожиданно вырвал клыками... часть воздуха! Образовалась дыра в ткани реальности — за светящимися краями отверстия замерцали редкие звезды, потянуло холодным ветром, поскольку дыра с шумом втягивала в себя воздух и только когда возле ведущего в Ничто проема внезапно появилось несколько знакомых округлых теней — надо думать, родственники Обжоры тоже возжелали проникнуть в

обитаемый мир, где можно было найти столько прекрасной еды! — прореха затянулась. Вероятно, Вселенная сама заботилась о том, чтобы тварный мир и Универсум Пустоты соприкасались как можно реже и на очень краткое время.

Вволюшку погоняв Обжору, Ши уселся рядом с бесстрастным Конаном. Забормотал непонятно:

— Банда сволочей... Последние штаны пропили... У-у, свинские собаки... — и немедленно после паузы: — Кажется, получилось. Как смотришь на то, чтобы нынешним вечером нанести визит в государственную сокровищницу его светлости протектора Заморы?

Конан задумался и осторожно сказал:

— Понимаешь, нападением на сокровищницу мы только вызовем ярость властей и месьора Рекифеса. А Рекифес и без того на нас рассержен...

Киммериец знал о чем говорил. Всего несколько дней назад варвар едва не лишился руки, которую по приговору управы должны были отрубить на Воловьей площади. Тогда Конана спасло только вмешательство графини Клелии Кассианы, непонятно по какой причине симпатизировавшей шайке, обосновавшейся в «Уютной Норе». Мстительный Рекифес запомнил этот случай и Конан сотоварищи надолго запечатлелись в памяти его дознавательной милости. Теперь попадаться на глаза Рекифесу вовсе не следовало — простым заключением в тюрьму Алронг не отделаешься.

- Чепуха! беззаботно отозвался Ши. Возьмем мы немного, только чтобы хватило на новый театр для Атики и ее друзей, да на постройку дома этому сереброделу, забыл как имя... Ну, и себе чуточку, разумеется... Остальное спишется на Обжору мол, озверевший демон ворвался в сокровищницу и бесстыдно схавал несколько сундуков с налоговыми сборами. Как проверишь? Как докажешь? И потом: кроме Герата никто не знает, что Пузырь может подчиняться людям. Герат не выдаст, у него в этом деле собственный интерес.
- Все равно, покушаться на кладовые протектора безрассудно, настаивал Конан. Выбери что-нибудь другое. Пожалуйста.
- Когда ты так жалобно говоришь «пожалуйста, не надо» и смотришь своими проникновенными синими глазками, ты можешь растрогать даже крокодила, фыркнул Ши. Но у меня каменное сердце и растрогать его нельзя! Нечего жалеть немедийских кровососов! Свободу Заморе! Подумай сам разве славная немедийская монархия обеднеет от потери нескольких кошелей с золотом? Решено! Обрекаем казначейство на поругание!

Пузырь, будто соглашаясь со смуглым жуликом, одобрительно застрекотал.

* * *

Целый день Ши и Конан ходили с невероятно загадочным видом, отчего внимательная Лорна решила, что вскоре грядет некое грандиозное событие. Однако хозяйка и помыслить не могла, что ее развеселые постояльцы задумали покуситься на одну из самых охраняемых сокровищниц Шадизара. Более недоступными являлись лишь кладовые Чамгана — квартала, занятого в городе Кезанкийскими гномами.

Глаза у Ши были загадочные: не видно ни зрачка, ни белка, две темных щели. Перед важным делом он всегда преображался, или, говоря языком Атики, на Ши Шелама снисходило вдохновение.

Ближе к закату заговорщики устроились за «золотым столом», как Лорна с Райгархом

именовали самый дальний столик в таверне, укрытый от посторонних взглядов стойкой и тремя огромными бочками. Именно в этом уголке шайка Аластора и Джая планировала самые замысловатые авантюры, о которых по городу ходили тихие и громкие легенды. Здесь же делили добычу, отчего стол с легкой руки хозяйки и был навечно поименован «золотым».

- Развели, понимаешь, таинственность, ворчала Лорна, поглядывая на оживленно перешептывающихся неразлучных дружков, заказавших к ее удивлению не пиво или вино, а обычнейший медовый квас. Райгарх, не знаешь, что они задумали?
- Хотят продать твою таверну шемитами, хохотнул асир, но, зная что с чувством юмора у Лорны было туго, сразу добавил: Представления не имею. Заметил только, что Малыш не выпускает из рук давешний медальон с зелененьким камешком...
- Сожгут они «Нору», голову даю на отсечение, вздохнула хозяйка. Сколько раз повторяла: чтоб никакой поганой магии в доме!

Райгарх только отмахнулся. Ши Шеламу можно было приказывать, уговаривать его по хорошему и не очень, награждать подзатыльниками или пинками, но этот прохвост всегда поступал по своему.

В конце концов, за последние дни огнеопасный амулет пакостных свойств не проявлял. А если проявит — быть его владельцам изрядно битыми.

- ...Дворец протектора охраняется немедийской гвардией, говорил Ши, попутно чиркая свинцовым карандашом по пергаментному листу. Конан слушал почти не перебивая, одновременно бросая взгляды на нарисованный план резиденции наместника и прилегающего к ней сада. На ночь в парк выпускают хищников, которые оберегут подходы к дворцу лучше любых арбалетчиков...
 - Хищников? переспросил киммериец. В смысле, сторожевых собак?
- В смысле настоящих диких зверюг, которые днем сидят в клетках, вот здесь ответил Ши, указав на квадратик, обозначенный криво написанным словом «звириниц». А именно дарфарскими тиграми. Слушаются они только смотрителя, а личностей посторонних имеют привычку рвать на мелкие и крупные части. Таким образом, со стороны парка к дому не подберешься. Конечно, мне было бы очень интересно взглянуть на сражение Пузыря с тиграми, но лишний шум нам без надобности...
- Может, заставить Обжору проесть под садом подземный ход? высказался Конан, однако Ши выразительно покрутил пальцем у виска и сказал:
- Парк тянется на четверть лиги! Даже, такой проглот, как наш Пузырь, за одну ночь не управится. Вот взгляни, справа ко дворцу примыкают конюшни и казарма стражи, слева хозяйственные пристройки. Сокровищница я уверен! находится в подвалах поместья...
 - A если нет?
- Спятил? Я ни разу не слышал, чтобы золотые кладовые устраивали на чердаке или в дровяном сарае! Наша главная задача незаметно подобраться к фундаменту дворца. Остальное сделает Обжора. В самом крайнем случае, заставим его как следует пугнуть возможных недоброжелателей...
- И поднимем на уши весь город, скептически хмыкнул Конан. О последних художествах Пузыря во дворце наслышаны, начнется паника.
- Которая будет нам на руку, усмехнулся Ши. Подвиг состоит не в том, чтобы залезть в сокровищницу протектора, а в том, чтобы затем унести оттуда ноги, и желательно вместе с добычей. В таком деле добротная паника никогда не помещает! Словом, действуем таким образом: через боковые флигеля пробираемся к главному зданию, потом в подвалы.

Не думаю, что охрана сидит непосредственно в кладовых, обычно сторожа находятся снаружи, у дверей... Хотя, в подвалы могут запустить змей, или ядовитых пауков, такие случаи известны. Запомни, тяжелое золото брать не следует, надо отыскать драгоценные камни, желательно гномьей огранки — они дороже всего. И никаких браслетов с диадемами: приметные вещицы могут потом опознать и тогда мы весьма близко познакомимся с месьором Рекифесом, а через него и с пеньковой веревкой. Властям плевать, если грабят обыкновенных людей, но какой дикий крик поднимается, когда всякое отребье вроде нас с тобой покушается на собственность этой самой власти!

- Очень надеюсь, что все спишется на нападение Пузыря, покачал головой Конан. Но так или иначе равно шум поднимется до небес... Завтра на улицах будет не протолкнуться от стражи!
- Здесь ты непогрешимо прав, согласился Ши. Если оставим следы, то Рекифес переворошит весь город, но до грабителей доберется. Иначе самому месьору королевскому дознавателю не сносить головы наместник с треском выгонит его со службы! Вывод: работаем аккуратно.
- По-моему, Пузырь и «аккуратность» просто несовместимы, заметил Конан. Это чучело может устроить такой тарарам, что к дворцу сбежится полгорода! Я уж не беру стражу с гвардией...
- Надо сделать так, чтобы очень уж страшного тарарама не случилось. Между прочим, уже темнеет. Захватил все, что может потребоваться?

Конан встряхнул свой мешок, в коем находились потайные лампы и несколько наборов отмычек, на случай, если вожделенные сундуки с несметными богатствами протектора окажутся запертыми. Наличие более топорных инструментов, вроде ломика, не предусматривалось — взламывать окованные металлом двери, засовы и замки придется Обжоре, чьи зубы стократ крепче и надежнее любых грубых железок.

- Далеко собрались? ехидно спросила Лорна, мимоходом взглянув на холщовую торбу, наброшенную на плечо киммерийца. Как обычно, романтические прогулки под луной?
- Не запирай на ночь кухонную дверь, тихо попросил Ши. Вернемся поздно, не хочется спать на дворе...
 - А ну как ворье залезет? фыркнула хозяйка.
- Какое ворье? искренне удивился Ши. Да на наш задний двор и самый великий герой теперь не сунется, а если сунется наложит полные штаны со страху!
 - Это точно, Лорна поморщилась и едва не пустила струю слюны прямо на пол.

Если обитатели «Норы» успели привыкнуть к внезапно ожившему и окончательно свихнувшемуся на теме противостояния Света и Тьмы отхожему месту, то людей непосвященных бродячая будка пугала буквально до полусмерти. Не далее как позавчера чудо о восьми ногах довело до истерического припадка ничего не подозревавшую молочницу — старуха, принесшая поутру кувшины с молоком, встретилась с нужником у ворот и тот, загнав несчастную женщину в угол между сараем и конюшней, целый квадранс проповедовал ей весьма запутанную и нудную философическую теорию, повествовавшую о каком-то взаимопроникновении Двух Великих Сущностей. Молочницу спас Райгарх, турнув зловредную тварь и наградив оную пинками, но слухи по кварталу поползли самые нехорошие — мол, Лорна Бритунийка привадила нечистую силу.

— Ладно, катитесь, — проворчала хозяйка. — И... И поосторожнее там.

- А когда я не был осторожен? спросил Ши у самого себя. Конан, чего стоишь столбом? Двинулись! Нам, как младенцам и пьяницам, сопутствует удача, поскольку мы еще не перестали быть первыми, и вовсю становимся вторыми!
- Трепло... отозвалась Лорна. Гляди, однажды прищемят тебе язык. Очень надеюсь, что его прищемит не месьор Рекифес и не сегодня ночью!
- Сплюнь! замахал руками Ши, и сделал ладонью знак, каким отгоняют злых духов. Ничего себе, напутствие!

И уже гораздо тише добавил:

— Напророчит ведь, дура старая...

* * *

Обширная резиденция его светлости наместника высокой короны и великого протектора Заморы герцога Амори из Ибелена расположилась в лучшей части города, как раз между аристократическим кварталом Бейдаль, крепостными стенами и длинной чередой садов, принадлежавших самым богатым купцам. До вхождения Заморы в состав немедийской монархии здесь находилось обычнейшее для всех городов Восхода скопление саманных лачуг и домиков из обычного для Шадизара желтоватого песчаника. За несколько десятилетий привыкшие к удобствам немедийцы и перенявшие их традиции заморийские богачи превратили несколько пыльных и вонючих городских кварталов в полное подобие роскошных предместий Бельверуса или Нумалии.

Оберегали дворец и прилегающие к нему улицы, разумеется, с немедийской тщательностью и скрупулезностью. Многочисленные кордегардии стражи, конные разъезды, ночные патрули, высокие стены... Это был своего рода город в городе, куда простецам вход не то, что бы возбранялся, но и не приветствовался. На немытых уличных побродяжек вроде Конана и Ши Шелама здесь поглядывали с изряднейшим подозрением.

Но разве какой-нибудь немедиец, а уж тем более гордый гвардеец протектора, может сравниться с урожденным шадизарцем, знакомым со всеми закоулками и тупиками этого дивного городка? Да никогда!

Ши знал город не хуже, чем лисица свои охотничьи угодья. Ремесло обязывало — жизнь и благополучие любого «ночного цирюльника» напрямую зависели от твердого знания путей к отступлению.

- Ну и з-запах! поперхнувшись воздухом, сморщился Конан. Ты куда меня притащил?
- Это единственный гнойный прыщ на откормленной и гладкой заднице квартала Бейдаль, ответствовал Ши, обводя взглядом громаднейшую кучу мусора, сваленного в длинный, тридцати шагов, глубокий ров. Легендарная помойка богатеньких прихлебателей его светлости. Стража, небось, проклинает все на свете, гоняя отсюда нищих. Представь, что здесь делается, когда из дворцовых кухонь выносят слегка попортившиеся фрукты, чуть зачерствевшие лепешки, а то и поцарапанную или немного битую посуду, оскорбляющую взоры сиятельных господ?! Рассказывают, будто купец' Аль-Адиль, теперь является более чем уважаемым торговцем коврами и шелком, начинал свое восхождение именно отсюда обогатился на продаже найденных на этой свалке вещиц... Зато благодаря

постоянному смраду гвардия протектора около свалки появляется довольно редко.

Ши, беззаботно насвистывая, повернул налево, в тень жиденьких кипарисов, окаймлявших омерзительный ров и призванных скрывать его от глаз жителей квартала. Затем оба жулика вышли на кривую узенькую улочку, предназначенную для проезда золотарей, вывозивших содержимое выгребных ям из благородных поместий. Утоптанная глина проулка была щедро умащена навозом.

— Думаешь, окрестности дворца так блистательны, как кажется на первый взгляд? — Ши хитро поглядел на киммерийца. — Не смотри на фасады и мраморные фонтаны, за этой очаровательной ширмой скрывается все то, к чему мы привыкли у себя в Нарикано... Тихо! Кажется, конная стража!

И точно, по соседней улице прогрохотали копыта гвардейского разъезда. Само собой, в грязный тупик доблестные стражи заглядывать не стали — побрезговали.

— Видишь скромненький белый заборчик впереди? — Ши Шелам указал на сооружение, высотой и неприступностью напомнившее Конану крепостную стену. — Ограда парка наместника. Как достоверно выяснено неудачниками, собиравшимися пробраться в сад и поживиться различными ценными вещами из парковых павильонов, стена поверх утыкана тремя рядами стальных шипов и для пущей надежности посыпана битым стеклом... А внизу нежданных гостей ожидают милые полосатые зверюшки, которых на ночь не кормили. Во, слышишь?..

Конан, наклонив голову, прислушался и различил хриплые сердитые взрыкивания, доносившиеся из-за ограды — видимо, тигры что-то не поделили и теперь напряженно выясняли отношения.

- Впечатляет, согласился киммериец. Надеюсь, в сад мы не полезем?
- Придерживаемся прежнего плана, важно сказал Ши. Рисковать не будем, пускай мы и вооружены таким действенным аргументом, как летучий Пузырь. Значит так: стража обходит вокруг стены через каждый квадранс или даже чаще. Ждем, когда пройдет очередной караул, быстро бежим в сторону дворцовых флигелей, вызываем Обжору и начинаем действовать... У тебя колени не дрожат?
 - С чего вдруг? поинтересовался Конан.
- Все-таки собираемся нарушить почти все мыслимые законы... Если поймают, то обвинят не только во взломе и грабеже с использованием магии и магического существа, но и в оскорблении величества и государства! Ограбить наместника Драконьего Трона не шуточки! За такое светит не банальная виселица, а посажение на кол, с последующим сожжением трупа и развеиванием пепла по ветру.
- Я ведь говорил, что казну протектора лучше не трогать. Что, в городе мало других богатых людей? Если боишься пойдем домой.
- Боюсь? Я? даже задохнулся от праведного гнева Ши. Смотри, сам в штаны не напусти!..
- Кажется, патруль дворцовой стражи, Конан дернул Ши за рукав и оттолкнул в густую тень, отбрасываемую соседним зданием.

Четверо усатых вояк с палашами наголо медленно прошествовали мимо ограды поместья. На мостовую падали желтые блики масляной зеркальной лампы. Обленившаяся стража оказалась до крайности невнимательной — успели за долгие годы привыкнуть к мысли, что никакой сумасшедший не станет покушаться на резиденцию герцога Амори, а если кому и придет в голову столь экстравагантная идея, то наглеца достойно встретят голодные хищники или ликторы протектора, неусыпно бдящие во дворце.

С первого раза попасть к нужному участку стены не удалось — Пузырь задержался дольше, чем ожидалось. Наверное, Обжоре пришлось лететь издалека. Как и обычно, тварь повисла над Конаном, ожидая дальнейших действий своих неожиданных хозяев. Ши очень боялся, что Пузырь невовремя начнет издавать привычные чирикающие звуки и тем самым привлечет внимание проходивших мимо гвардейцев, но зубастый демон проникся серьезностью положения и молчал, как невиданная летучая рыба.

— Что-то он все-таки соображает... — задумчиво сказал Ши, поглядывая на круглую черную тень. — Многое бы я отдал, чтобы взглянуть на мир, породивший эдакую нелепицу... Конан, приготовились!

За оградой виднелись острые черепичные крыши с флюгерами — все здания резиденции светлейшего герцога были выстроены в полном соответствии с принятым в Немедии строгим архитектурным стилем. Жители Шадизара, куда более привычные к пышности и плавным, округлым линиям, принятым на Золотом Восходе, в Туране и Хорайе, немедленно обозвали дворец «рыбьей костью» — слишком уж отличался дом наместника от всех прочих городских строений. Выглядела резиденция чужеродно, будто коршун поселившийся в курятнике.

— Здесь, — скомандовал Ши киммерийцу. — Сразу за оградой — какие-то сараи или склады... Понадеемся на удачу! Сначала отправляем Пузыря, потом идешь ты, следом я — как только прикрою дыру в стене. Надеюсь, белую тряпку ты захватил?

Конан выхватил из торбы чистую льняную простыню, незамысловато стибренную из кладовки Лорны. Это было совершенно необходимо — стража сразу заметит отверстие, которое проделает Обжора, и начнется облава...

К простыне прилагался клей из рыбьего жира, добытый сегодня на базаре за большие деньги.

Как только Пузырь с легким потрескиванием прогрыз круглую дырку в стене, Ши мигом обмазал ее края жидким и ужасающе вонючим клеем, прилепил ткань, полностью слившуюся с белой известковой штукатуркой и нырнул в оставленный у самой земли зазор.

Ползти по коридору, с легкостью проделанному Обжорой в толстой стене было вовсе не затруднительно — Пузырь знал свое дело. Казалось, что сквозь тяжелые и прочнейшие кирпичи двойного обжига из красной глины прошло огромное сверло.

Стенки узкого, в два локтя, тоннеля были идеально гладкими. Широкоплечему Конану приходилось потруднее, однако и он вполне справлялся.

Безмолвный демон ждал Конана и Ши по ту сторону ограды, а вернее в темном помещении склада конюшего ведомства его светлости, примыкавшего прямиком к стене. Киммериец, втихомолку поругиваясь, отыскал в поясе кремень и затеплил фитилек потайного фонарика, который давал единственный узкий луч.

— Тут воровать нечего, — сказал Ши, осмотрев пропахшее дубленой кожей помещение. — Зачем нам упряжь, седла или хомуты? Хотя за такую прекрасную уздечку с золотыми бляшками можно выручить ауреев десять... Пойдем дальше.

Конан отдал приказ Обжоре и в противоположной стенке тотчас появилась дыра. Ши осторожно выглянул наружу.

- Неописуемое свинство, расстроился воришка. Я перепутал! Этот проклятущий сарай все-таки стоит на задворках парка, до дворца придется идти под открытым небом шагов сто... А там тигры... Эх, невезуха!
 - Тигра, как и любое неразумное животное, можно обмануть или напугать, шепотом

сказал Конан. — В крайнем случае, прикажем Пузырю убить зверюгу. Если пройдем до дворца тихо, хищники нас могут и не заметить...

— Была не была, — выдохнул Ши. — Стражи в парке нет, начальник охраны полагается на тигров и не хочет рисковать своими людьми, которые могут попасть на зубок полосатым кошечкам. Рванули?

— Рванули!

* * *

Прежде Конан видел настоящих дарфарских тигров только в зверинце, располагавшемся рядом с Блошиным рынком. Но содержавшиеся там тощие облезлые животные, которых показывали всем желающим за плату, не имели ничего общего с изумительно красивыми тварями, находившимися на службе заморийского протектора.

Вероятно, тигр просто отдыхал, развалясь на травке под окнами дворца. Но вот лучик потайного фонаря скользнул по ярко-рыжей шкуре и усатой довольной морде. Тигр открыл глаза и круглые зрачки, обрамленные изумрудной радужкой, мгновенно сузились превращаясь в две бездонно-черные щели.

Попросту говоря, два авантюриста и округлое летающее существо, которое никак нельзя было заподозрить в принадлежности к человеческому роду, с заячьей быстротой пересекшие пальмовую аллею и колючие заросли цветущего шиповника, наткнулись прямиком на лежавшего у стен дворца могучего зверя. Конан едва не споткнулся о тигриную лапу.

— Фонарь убери... — Ши издал едва слышный стон. — Амулет! Где медальон, тупица?

Зверь величественно возлежал прямо под ногами людей и лениво позевывал. Свет его не раздражал, а если и раздражал, то не слишком.

Конан потянулся было к карману, но вмешательство Пузыря, который наверняка повиновался бы рунному знаку означавшему «Смерть, убийство», не потребовалось.

Тигр очень медленно поднялся на все четыре толстых когтистых лапы, заставив людей отступить, снова зевнул и безразлично ушел в темноту. Появление Ши, Конана и их примечательного спутника зверюгу впечатлило не больше, чем падение на нос дождевой капли.

- В Киммерии я ходил с отцом на медвежью охоту, несколько отрешенно сказал Конан, провожая тигра взглядом. Настоящий зверь никогда не будет так себя вести. Твой тигр закормлен до отвала. И не видит врага в человеке.
- Мой тигр? Он не мой, а свой собственный... Ничего себе открытие, оторопело пробормотал Ши. Ну конечно, эти животные родились в зверинце, видели людей, скажем так, с младенчества... За ними ухаживают, кормят лучшим мясом, наверняка и шерстку расчесывают. А ночами запросто выпускают погулять, накопившийся жирок порастрясти... Боги незримые, а какие невероятные байки ходят по городу о злобных кровожадных и клыкастых чудовищах, оберегающих дом герцога Амори! Вот тебе и конец легенды... Я уж постараюсь, чтобы слухи о приключении некоей удачливой парочки разошлись по всему Шадизару!
- Хватит болтать, прервал мечты приятеля Конан. Мы что, пришли сюда пустыми разговорами заниматься?
 - Конечно, нет, Ши тотчас оживился. Запомни, о славнейший из варваров

Шадизара, сегодня самый замечательный день твоей жизни! И моей, возможно, тоже. — Это почему?
— Потому, что мы вознамерились сокрушить одну из твердынь немедийского величия.
Чего не удавалось никому доселе. Где Пузырь? — Посмотри наверх.
— А что он там делает? Пускай занимается тем, для чего изначально предназначен — то
есть жрёт!

Глава шестая

Цена чести

Твердыня немедийского величия, о которой с такой высокопарностью повествовал Ши, капитулировала менее чем за одну пятую квадранса. Обжора доказал, что ему не страшны никакие преграды — огромные блоки серого гранита из которых был сложен фундамент дворца оказались не прочнее гнилого пергамента. Наклонный лаз оказался довольно длинным, локтей в пятнадцать. Сразу за Пузырем в дыру нырнул Конан, взяв в зубы маленькую лампу, освещавшую дорогу. Ши, извиваясь как ящерица, пополз следом.

- Назад! Быстро назад! Ши услышал голос киммерийца вкупе с неожиданно появившимся странным журчанием. Тут же погас фонарик и Ши чувствительно получил по лбу пяткой Конана. Течет что-то!
- Это вино! Ши моментально распознал запах. Обжора наткнулся на приставленную к стене подвала винную бочку. Не дергайся, сейчас вино выльется и можно будет двигаться дальше!

Когда двое незадачливых грабителей наконец проникли в подземелье и снова зажгли огонь, выяснилось, что Пузырь действительно повредил гигантскую, в два человеческих роста, винную бочку — вдоль стен было расставлено не менее двух десятков ее собратьев. Теперь в мрачном подвале стоял густой виноградный дух и было почти по колено темнокрасной густой жидкости.

- Мечта любого пьянчуги, сказал Ши, грустно осматривая вымокшую в вине одежду. Теперь и мечтать нельзя о том, чтобы не оставить следов. Давай выбираться отсюда если винные пары ударят в голову, мы останемся тут навсегда...
- Лестница и дверь впереди, Конан указал на каменный всход, возле которого покачивался в воздухе Обжора. Если я правильно понимаю, мы находимся под закатным крылом дворца. То знаешь, где сокровищница?
- Откуда? Будем проверять все помещения подряд. Очень надеюсь, что стража ночами вниз не спускается, хотя кто их разберет...
- Ликторы могут делать обходы, справедливо заметил Конан. Тогда нам не поздоровится.
 - Не каркай. Без тебя тошно. Давай наверх, у меня уже голова начинает кружиться.

За взломанной Пузырем дверью обнаружился прямой коридор с округлыми сводами. На стенах чадили редкие факелы.

— Ага, факел обмазан смолой, перемешанной с желтой серой, — понимающе сказал Ши. — Такой горит очень долго, почти всю ночь. Значит, факела с вечера не меняют. Это дает определенную надежду...

Коридор был обследован быстро и тихо — Обжора уничтожал двери, а киммериец и Ши Шелам осматривали скрывавшиеся за ними помещения. Никаких следов золотой кладовой найдено не было — подвальные комнаты пустовали или были забиты разнообразным хламом, наподобие старой мебели. В самом дальнем каземате обнаружился истлевший труп, прикованный к стене ржавой цепью — жертва немедийского правосудия, которую по каким-

- то неизвестным причинам живьем похоронили в подземелье.
 Очень интересно, Ши не преминул изучить едва заметную надпись выцарапанную на стенах камеры. Видишь имя? Гра... Да, верно, граф Ридфор. А ведь когда-то весь Шадизар гадал, куда исчез знаменитый авантюрист, выдававший себя за личного посланника немедийского короля и попутно обчищавший шкатулки самых именитых и обеспеченных красавиц города. За самозванство графа объявили злодеем короны, но он будто сквозь землю провалился. Судя по тому, как надежно его упрятали, Ридфор знал слишком много неприглядных тайн... Что это?
 - Шаги, одними губами ответил Конан. Кто-то идет. Один.
- Хотелось бы узнать, во дворце водятся призраки? столь же тихо ответил Ши. С одним врагом управимся, если, конечно, он человек...

Киммериец опустил задвижку на прорези фонарика и в каземате стало темно. Шаги приближались, да только звук приходил сверху, со стороны лестницы, ведущей на первый этаж замка протектора.

— Оглушаем и вяжем, — сказал Ши, выглядывая в коридор. — Если он увидит сломанные двери — поднимет крик. Быстрее, олух!

Неизвестный визитер, если судить по силуэту и шаркающей походке, был невысок и стар. В руке держал подставец с толстой сальной свечой. Как только человек миновал последнюю ступеньку, притаившийся за углом Конан ухватил незнакомца за шею, правой ладонью прикрыв ему рот, сдавил горло и подождал, пока тот не обмякнет, теряя сознание от недостатка воздуха. Ши тем временем сворачивал кляп из обрывка материи.

- И путь нас не обвиняют в жестокости, приговаривал Ши, запихивая кляп в рот пленнику. Мы никого и никогда не убиваем. Утром нашего друга отышут целым и невредимым кто-нибудь обязательно пойдет в винный погреб... Митра Всеблагой!..
 - Что? насторожился Конан, связывавший человеку руки. С тобой все в порядке?
- Оторви от рубахи полоску такни и завяжи ему глаза, скороговоркой произнес Ши. Он не должен нас видеть... Эх, знал бы где падать подушку положил бы! Не называй меня по имени! Кажется, мы доигрались в ночных цирюльников...
 - Да в чем дело-то? озадачился киммериец.
- Ни в чем. Совершенно ни в чем. Если, конечно не считать того, что перед тобой герцог Амори Ибелен, наместник Драконьего Трона.

* * *

— Ваша светлость, поверьте, мы не тронем вас и пальцем, клянусь могилой моей преждевременно усопшей матушки... Только умоляю, не кричите и не зовите на помощь! Согласны? Кивните, и мы немедленно вынем кляп.

Увы, но невысокий полноватый старик и впрямь являлся светлейшим протектором Заморы, Шадизара и Аренджуна. Наблюдательный Ши был большим любителем коронных празднеств, поскольку торжественные шествия гвардии и фейерверки на день рождения короля или День Эпимитриуса были красивым зрелищем, а в толпе горожан всегда можно было встретить невнимательных личностей с толстыми кошельками. В такие дни протектор всегда появлялся на людях — принимал парад, оглашал важные указы или миловал приговоренных к смерти. Кроме того, внешность у герцога Амори была приметная — правую

щеку рассекал фиолетовый шрам, формой напоминавший зигзаг молнии.

Только ответьте, что понадобилось его светлости в подземелье дворца, да еще в такое время? После полуночи в Шадизаре не спят только посетители веселых домов и всякие прохвосты, имеющие скверную привычку тайно или открыто покушаться на чужую собственность.

Мало того, герцог был почти при параде — бархатный камзол, на шее золотая цепь с украшенным крупными желтыми алмазами орденом Венца Повелителя Нумы, на поясе дворянский эсток. Что за чудеса?

— Мерзавцы... — хрипло выдохнул герцог, едва кляп был вынут. — Не ожидал от вашего хозяина такой низости... Откуда вы узнали про подземный ход?

Конан и Ши переглянулись и не сговариваясь пожали плечами. Амори явно принимал их за кого-то другого.

- Не понимаю, как Ронкальдо решился на похищение?! Это несовместимо с дворянской честью! продолжал возмущаться великий протектор. О нашей встрече знают несколько человек из моей свиты, границы Заморы сразу перекроют, его и меня будут искать везде... Послушайте, сколько он вам заплатил? Предлагаю втрое больше!
- Ну... Мы... начал было Конан, однако Ши замахал руками, приказывая молчать. Похоже, в мыслях у этого отпетого афериста начал зреть какой-то совсем уж головокружительный план, по сравнению с которым ограбление с использованием летающего демона покажется наивной детской шуткой.
- Значит, месьор Ронкальдо? стараясь говорить густым баском сказал Ши Шелам. Если называть титул совсем точно, то барон Ронкальдо из Хоршемиша, кофийский посланник в Заморе, кутила, бабник и игрок, имя которого известно даже на самом... кхекхе... дне Шадизара? Любопытно, отчего это протектор, назначенный самим королем Нимедом, тайно, среди ночи, встречается с представителем государства, никогда не проявлявшего дружеские чувства в нашей великой монархии? Не проще ли было назначить аудиенцию со всем этикетом...
 - Так вы не его люди? ахнул герцог. Что это значит?! Отпустите меня!
- Тот, кто попался в лапы тайной службы короля, никогда не уйдет просто так! зловеще воскликнул Ши, одновременно подмигивая Конану. Придется отправить вашу светлость в Бельверус, на задушевную беседу...
- Какой Бельверус? простонал Амори. Я действовал по приказу самого герцога Лаварона, главы пятого департамента!.. Если вы из Вертрауэна, то не можете этого не знать!

Ши недовольно поджал губы. Задуманный им ход провалился, да и использовать имя грозного секретного ведомства немедийцев было весьма и весьма чревато — немедийцы обходились с самозванцами круто и насущный пример тому лежал в соседнем каземате, сверкая белыми косточками.

- Ладно, согласился Ши и начал бесстыдно врать, отлично зная, что наиболее невероятная ложь всегда выглядит правдоподобной. Вот вашей светлости истинная правда: мы представляем Черный Круг Стигии, обеспокоенный вашими сношениями с кофийцами... У вас, о герцог, есть два выхода умереть страшной смертью или откупиться и навсегда позабыть о Кофе и бароне Ронкальдо, с которым, разумеется, вы сегодня не сумеете встретиться.
 - Что за чушь вы несете?..
 - Чушь? Хотите удостовериться? Эй, Ко... в смысле, покажи его светлости нашего

верного слугу! Конан понял, что надо делать. Одной рукой киммериец поднял Амори на ноги и, встав позади, сорвал с его глаз повязку, другой вынул изумрудный медальон.

Пузырь немедля предстал очам светлейшего протектора во всей красе — ощеренная пасть и скопище клыков, по которым пробегали хорошо заметные в полутьме редкие розовые искорки.

— Демон очень опасен, — вкрадчиво сообщил Ши. — И очень голоден! Видите, что вытворяет?

Конан заставил Пузыря отхватить часть каменной стены, что тот с готовностью и проделал. Гранитную кладку будто ножом срезали.

- Не согласитесь на наши условия демон с удовольствием закусит неким излишне несговорчивым немедийским дворянином, Ши был очень любезен, но в его голосе сочился змеиный яд. И скармливать этого дворянина мы будем по кусочкам.
- Вот оно что... пробормотал Амори. Я предполагал, что летучий монстр принадлежит какому-то магу, только не мог выяснить, кому именно. Значит, Черный Круг? Но каким образом мы наступили вам на мозоль? Почему стигийскому конклаву интересен наш тайный договор с Кофом о надзоре за караванными путями? А, кажется понимаю боитесь, что мы прищемим хвост торговцам лотосом из Кхитая и Вендии? Вы же используете зелье для приготовления магических снадобий!
- Встречный вопрос, ухмыльнулся Ши, спрятавшийся от взгляда протектора в темной нише. Почему договор тайный? Проще было объявить о нем всему свету...
- Вы что, ничего не понимаете в политике? Любое соглашение с Кофом заставит обеспокоиться аквилонцев и Туран, который издавна враждует с Хоршемишем.
- Вот что, давайте не будем углубляться в такие высокие сферы, нетерпеливо ответил Ши. Повторяю: или зубы демона, или выкуп с обещанием забыть о кофийцах.
- Герцог Лаварон не оставит эту идею. Со мной или без меня он добьется договора. Но если вы согласны меня отпустить...

Ши ненадолго задумался и спросил:

- Где дворцовая сокровищница?
- Она-то вам зачем? Ах, да, конечно... На втором этаже замка, рядом с моими покоями. Конан исподлобья поглядел на Ши Шелама, который издал разочарованный вздох.
- Сможете нас туда провести?
- Это исключено. Гвардейцы в каждом коридоре, на лестницах, менять стражу может только разводящий десятник, я не вправе отдавать приказы военным... Это же закон они выполняют распоряжения только начальника караула!
 - Как тогда быть с выкупом?
- Я могу сам сходить в кладовые и принести золото сюда. Сам, понимаете? Тревогу до угра поднимать не буду, слово дворянина!
 - Никакого золота, отрезал Ши. Камушки в сокровищнице есть?
- Несколько шкатулок и алмазами, изумруды, сапфиры... Неужели Черный Круг настолько беден, что даже не может заплатить вам за труды?
- Не ваше дело, буркнул Ши и, наконец, принял решение. Мы верим слову дворянина. Учтите ваша светлость, если вскоре сюда нагрянет стража, то демон превратит ваш дворец в гору щебенки, а вы сами...
 - Я же обещал! возмущенно сказал герцог. Через два квадранса шкатулка с

камнями будет у вас в руках.
— Развяжи его, — сказал Ши киммерийцу. — Ваша светлость, не уроните честь немедийского дворянства. Мы на вас надеемся!

С тем герцог Амори неожиданно резво для своего возраста и комплекции покинул подземелье. Наверху громыхнула тяжелая дверь.

* * *

Как ни печально это прозвучит, но пресловутая дворянская честь стоила не дороже выеденного яйца. После эдакой подлости Ши поклялся, что впредь не сядет играть с благородными даже в четыре шарика, поскольку все они — жулики и надувалы!

Не окажись рядом Пузыря, Конану и Ши пришлось бы туго. Протектор, не то со страху, не то по особой злости, поднял на ноги дворцовых ликторов и гвардию, хотя отлично знал, что в подземелье находится зубастый демон и среди стражи могут быть большие жертвы. Последнее тоже не добавляло герцогу привлекательности — его светлость понимал, насколько велик риск и не мог не знать о том, что убить тварь стальными клинками и арбалетными стрелами невозможно.

Но так или иначе ожидавшие возвращения наместника авантюристы через некоторое время различили постепенно нараставший шум, потом на верхнюю площадку узкой каменной лестницы вломились вооруженные до зубов стражи, которые не задумываясь начали вслепую палить из тяжелых самострелов. Конан едва успел отскочить за угол и тут же металлические наконечники высекли искры из гранитной кладки.

- Уйти не успеем, догонят, выдохнул Ши, даже не путаясь взглянуть, что происходит наверху. Сможешь сделать так, чтобы Обжора перекрыл лестницу? Уж демона-то гвардейцы подстрелить не сумеют...
- Сделаем кое-что получше, проговорил Конан, пытаясь выбрать верное сочетание рун.
 - Отрежем им дорогу!

Пузырь, уяснив что именно от него требуется, рванулся к потолку, моментально снес часть перекрытия, проделал несколько дыр в стене и самой лестнице, после чего проход начал обваливаться. Обжора едва успел отступить обратно в коридор. Теперь лестница было надежно перегорожена неподъемными каменными глыбами.

- Ну я устрою ихней светлости веселенькую жизнь! ярился Ши. Паскуда какая, подумать только! Как только вылезем из этого проклятущего подпола, прикажу нашей тварюге разнести это немедийское логово по камушку!
- Ничего ты не прикажешь, угрюмо отозвался Конан. Сколько раз я повторял не связывайся с демонами и магией! Если вдруг у нас получиться унести ноги, я собственноручно вышвырну медальон в выгребную яму, чтоб никому не достался!
- Лорна не переживет появления второго бродячего нужника, фыркнул Ши, вместе с Конаном направляясь обратно, к винному погребу. Согласен, моя идея с ограблением дворца протектора оказалась не самой лучшей, да и обстоятельства были против нас... Завтра попробуем потрогать за карман туранских купцов, у которых лавки на Каменном рынке я точно знаю, где они хранят золото!
 - Лезь в дыру, подтолкнул киммериец приятеля. И молись всем богам, которых

ты знаешь — герцог поднял тревогу, значит нас будут шумно и настырно ловить.

В парк выбрались через прежний лаз и сразу стало понятно, что вокруг дворца уже поднялась нешуточная кутерьма — были слышны команды немедийских десятников, распоряжавшихся караулами на площади перед зданием, мелькали огоньки факелов, постукивали копыта лошадей. В дворцовом саду пока было спокойно — никто и представить себе не мог, что злоумышленники могли проникнуть в здание именно отсюда.

Бегом добрались до ограждавшей парк стены. Поскольку Конан из осторожности притушил фонарик, долго искали в темноте проделанное демоном отверстие. Пузырь, как привязанный, летел следом.

— Кажется, тихо, — сказал Ши, осторожно выглянув на улицу из дыры. — Бегом за мной!

По счастью, начинавшаяся грандиозная облава еще не успела перекинуться на эту часть квартала Бейдаль, пускай и здесь начали проявляться первые признаки суматохи. Конан и Ши успели нырнуть в один из проулков, дабы не попасться на глаза нескольким вооруженным всадникам, скакавшим в сторону дворца наместника. Когда угроза миновала, Ши изумленно присвистнул.

- Заметил, кого сопровождали гвардейцы? спросил он у киммерийца. А я заметил! Герат, его волшебная милость, собственной персоной! Удивительные события происходят в нашем прекрасном городке сколько знаю Герата, он никогда не садился в седло. Думает, будто маг роняет свое достоинство, разъезжая на лошади, и всегда предпочитает портшез. Ничего не понимаю!
- И хвала богам за это, отозвался Конан. Пошли! Чем быстрее мы вернемся домой, тем лучше. Наместник за эту ночь перевернет город вверх дном, пытаясь отыскать злодеев...

«Уютная нора» встретила обоих любителей приключений ленивой тишиной — был самый глухой предрассветный час. На птичнике сонно квохтали куры, попискивали домовые мыши, нужник гулял по двору и тихо разглагольствовал о бренности всего сущего — словом, шла самая обычная ночная жизнь. Пузырь, отпущенный Конаном на все четыре стороны, улетел по своим загадочным пузыриным делам.

Лорна, как и обещала, не стала запирать заднюю дверь и даже оставила на одном из столов кувшинчик вина и холодное мясо с лепешками.

- Какая трогательная забота, буркнул Ши, устало опускаясь на табурет и выбивая из кувшина деревянную пробку. Давненько у меня не было таких невероятных провалов! Цель была совсем рядом только руку протяни! Никогда себе не прощу! Ни славы, ни добычи.
- А я знал, что протектор ничего нам не принесет и не вернется, сказал Конан. Чувствовал. Напугали мы его знатно, Пузырь постарался. Никакой нормальный человек не захочет снова встречаться с демоном лицом к лицу. Ну, я и...

Конан запнулся на полуслове — и отвел взгляд.

- Что «и»? насторожился Ши.
- Я ж его милость герцога сзади держал, за шею. Тогда и подумал, что ничегошеньки у нас не получится. Вот.

Киммериец сунул ладонь за пазуху и положил на стол тяжелый предмет. Звякнула цепочка.

— Да будь я проклят... — очень медленно и внятно проговорил Ши. — Не может быть!

- Может, уверенно ответил Конан. Застежка на цепи простенькая, ты же сам меня учил, как открывать такие замочки. Герцог с перепугу ничего и не заметил.
- Я тоже, что характерно, не заметил, носовым голосом сказал слегка оторопевший Ши. Поздравляю, киммерийское отродье. Ты становишься истинным шадизарцем, плоть от плоти... Это какая же пощечина герцогскому самолюбию!

Перед Ши Шеламом возлежал коронный орден Венца Нумы, наивысшая награда Немедийского королевства, коей удостаивались только члены монаршей семьи, выдающиеся военачальники и управители протекторатов.

* * *

- Семь желтых алмазов, каждый размером с ноготь. Продадим в Чамган, гномам, карлики дадут хорошую цену.
 - Хорошая цена это сколько?
- Камни чистейшей воды, прекрасная огранка. Думаю, за каждый выручим по две тысячи кесариев, не меньше. Четырнадцать рубинов, столько же обычных бриллиантов помельче. Это еще тысяч пять. Золотая оправа и цепочка уйдут задешево, но это уже неважно. Да, куш мы отхватили изрядный!

Конан и Ши поутру заняли «золотой стол» — дележа добычи на двоих не предвиделось, поскольку вырученные деньги предполагалось отдать пострадавшим от безобразий Пузыря фиглярам и владельцу съеденного дома. Однако, оценить драгоценность и лишний раз полюбоваться ею оба прохвоста не отказались.

Было довольно рано, а потому постояльцы «Норы» еще спали. В обеденную залу спустилась только всегда поднимавшаяся на рассвет Лорна. Позевывая, хозяйка направилась прямиком к стойке.

- Давно явились? поинтересовалась Лорна и вдруг застыла. Увидела.
- Нравится побрякушка? рассмеялся Ши, увидев изменившееся лицо владелицы «Норы». Только учти, у нас этой вещи никогда не было, считай что она тебе приснилась.
- Кого-нибудь другого поучи язык за зубами держать, огрызнулась Лорна. Подумать только орден Венца Нумы! Небось с самого протектора сняли?
- Как ты догадлива, Ши не переставал счастливо, как ребенок, улыбаться. Когда появятся посетители, прислушайся к последним городским сплетням. Узнаешь много интересного.
- С сегодняшнего дня поднимаю вашу плату за постой на три серебряшки, сказала хозяйка не без усилия отрывая взгляд от сокровища. Да с эдаким богатством вы можете хоть в «Рубиновую лозу» переселиться! Тамошние комнаты, говорят, обходятся в десять ауреев за день...

Когда камни были аккуратнейшим образом вынуты из оправы и разложены по матерчатым мешочкам, можно было собираться на прогулку — потолковать с гномамиювелирами, а заодно и поглядеть, что творится в городе. Но планы Ши Шелама были грубо нарушены появлением первого за наступившее угро посетителя таверны.

Герат Айбениль выглядел злее самого жуткого демона Черной Бездны. Волшебник не выспался, был голоден и взъерошен.

— Два недоумка, — не тратя время на пышные вступления, заявил Герат, углядев Конана

и Ши. — Надо полагать, что ночной бедлам — ваших рук дело?
— А что случилось? — невинно спросил Ши. — Надеюсь, ничего скверного?
— Ничего, — волшебник неожиданно усмехнулся, — кроме внезапно начавшейся
сумасшедшей охоты на черных магов стигийского конклава, учинивших бесстыдное
нападение на резиденцию великого протектора Заморы с помощью демона, известного в
городе под именем «Пузырь». Меня и еще двух магов из гильдии. Алого Пламени равновесия
самым срочным образом привезли во дворец среди ночи и заставили искать гнусных злодеев.
На городских воротах тройные караулы, тайная служба стоит на ушах, стигийцев, даже
простых купцов, гоняют по всему Шадизару Я едва сумел убедить наместника, что
никаких следов злого колдовства во дворце не осталось. Подумать только — мерзавцы
натравили демона на самого герцога Амори!
— Ужасная история, — фыркнул Ши. — И что дальше?
— Тысячу ауреев вы можете в любое время получить у моего казначея, — сказал
Герат. — Если закончили развлекаться и выполнили все задуманное — отдайте мне
медальон.
Конан тяжело встал, поглядел на Ши, на Герата и буркнул:
— Пошли на двор.
— Зачем?
— Увидите.
По удачному стечению обстоятельств во дворе было совершенно пусто, если не считать
домашней птицы и унылой деревянной будки, сейчас поджавшей ноги и усевшейся в тенечке.

Конан позвал Обжору, который вскоре примчался со стороны Аренджунских ворот.
— Не следовало этого делать, — торопливо сказал Герат. — Нас могут увидеть! Конан, прикажи ему улететь! Пойдем обратно в таверну, и вы объясните мне, как научились

управлять Пузырем...

— Ничего и никому объяснять мы не будем, — твердо сказал киммериец. — Хватит.

Пузырь как раз в этот момент распахнул зубастую пасть. Конан, не теряя времени, размахнулся и зашвырнул злосчастный медальон точно в прорезь рта Обжоры — платиновый диск с изумрудом в последний раз сверкнул на солнце и сгинул в бездонных недрах демонова брюха.

- С каким удовольствием я бы тебя придушил! простонал Герат и сразу осекся, поглядев в синие и холодные глаза киммерийца, в которых ясно читалось: «Попробуй!». Зачем ты это сделал?
- Пусть демон живет сам по себе, ответил Конан. От него и так сплошные неприятности.
- Балбесы, вздохнул волшебник и вполне здраво добавил: Что ж, зато сэкономили мне тысячу ауреев. Но если в будущем позволите себе еще один такой выверт обоих превращу даже не в крыс, а в скорпионов! И посажу в одну банку! Обещаю!

Пузырь, сожравший медальон без каких либо видимых для себя последствий, повисел возле «Уютной норы» и отправился восвояси. Спустя половину колокола его заметили над зданием городского совета Шадизара — Обжора мирно поедал одну из башенок.

Несколько последующих дней Ши Шелам ходил с роскошным синяком под глазом и с Конаном не разговаривал. Дело в том, что полученные за алмазы деньги Ши весьма опрометчиво отдал Атике. Последняя немедленно побежала на постоялый двор «Четыре коровы» и сразу вручила тяжелые кошели с золотом месьору Каланьясу.

Через седмицу бородатый владелец нового каменного амфитеатра осчастливил изголодавшихся по зрелищам шадизарцев новым представлением — «О благородном разбойнике, его возлюбленной и их ужасной смерти».

Дом серебродела Атрания был восстановлен. Несколько сотен ауреев Конан отдал Атранию лично в руки.

Оживленная охота на черных магов продолжалась пять дней. Двоих стигийцев повесили. Впрочем, они действительно принадлежали к Черному Кругу и их никто не жалел.

На торжественной церемонии казни присутствовал сам герцог Амори. На груди его светлости поблескивал орден Венца Нумы, однако пробравшийся к трибуне для гостей Ши клятвенно уверял: желтые алмазы на побрякушке были фальшивыми.

Еще некоторое время спустя Пузырь навсегда исчез — поговаривали, будто он сожрал какого-то странного человека, колдуна по виду, и отравился. Но это уже совсем другая история...

WWW.CIMMERIA.RU